

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УЧЕБОВЪ.

1861.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Описание нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола». Злиски Александра Б. изданіе Д. В. Кожанчкова. Санкт-петербургъ. 1861.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какого вниманія отъ образованнаго общества въ правѣ ожидать себѣ книга г-на Б., заглавіе которой мы выписали въ началѣ. Не смотря на то, что въ нашей литературѣ, особенно духовной, явилось въ послѣднее время не мало сочиненій, касающихся той или другой стороны раскола, мы однако-же готовы счесть за самохвальство, если бы кто либудь сказалъ, что онъ *знаетъ* расколъ, — знаетъ не внѣшній его обликъ, замѣтный и для не соевѣмъ наблюдательнаго глаза, а ту внутреннюю жизнь раскола, которая способна ускользнуть отъ самаго проницательнаго наблюдателя, и не узнать которой, едва ли можно и думать о направленіи этой жизни на лучшую, разумную, счастливую дорогу. Не споримъ, что нынѣ встрѣча съ людьми, которые могутъ сказать, что раскольники уважаютъ старыя книги, молятся двумя перстами, чтятъ осьмиконечный крестъ, и под.—не рѣдкость. Но едва ли найдется человекъ, который бы сумѣлъ разсказать вамъ вѣрно и отчетливо нравы и обычаи раскольниковъ, ихъ взглядъ на современное положеніе вещей, ихъ отношеніе къ правительству и церкви, — пружины, которыми движется

эта огромная машина, принципы, во имя которых совершаются въ расколѣ иногда самыя поразительныя для сторонняго человѣка вещи, причины, по которымъ расколъ такъ устойчивъ въ своемъ statu, quo..., страданія и горе раскольниковъ, ихъ радости и надежды, симпатіи и антипатіи, вѣрованія и убѣжденія, — однимъ словомъ, тотъ заповѣднй міръ, въ которомъ вотъ уже два столѣтія живетъ расколъ не только вдали отъ образованнаго и движущагося впередъ общества, но и въ противорѣчій его началамъ. А между тѣмъ, не зная всего этого, можно ли отыскать специфически-полезный пластырь для исцѣленія этого больного организма? А вѣдь пора подумать и объ этомъ. Два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ одна половина русскаго общества пошла одною дорогою, другая избрала себѣ особый путь. Силы разъединены, — потеря для общества ясна, какъ день.

Книга г-на Б., по своему предмету и задачѣ, представляетъ *первую* попытку — познакомить общество съ расколомъ, какъ онъ есть самъ въ себѣ. Она заключаетъ въ себѣ библиографическій разборъ сочиненій, писанныхъ раскольниками въ пользу раскола.

Нѣтъ нужды доказывать, что узнать духъ и сущность раскола во всей полнотѣ и обстоятельности, изучить его, такъ сказать, въ самомъ основаніи, проникнуть въ самую глубину старообрядства, можно не иначе, какъ чрезъ тщательное изученіе самыхъ его источниковъ, т. е. сочиненій, писанныхъ самими раскольниками. Всѣ головныя положенія, въ какихъ обыкновенно сообщаютъ свѣдѣнія о старообрядствѣ, всѣ выдержки изъ сочиненій раскольническихъ, какія обыкновенно дѣлаются для этой цѣли, никогда не знакомятъ съ расколомъ такъ, какъ могутъ ознакомить съ нимъ сочиненія самихъ расколь-

никовъ. Здѣсь часто самая маловажная, по видимому, черта, самая незначительная замѣтка, самое пустое сказаніе могутъ пролить на расколъ гораздо больше свѣта, чѣмъ вѣтъ самые многочисленныя и разнообразныя выводы и соображенія, какія дѣлаютъ иногда на основаніи этихъ сказаній. Мы не хотимъ этимъ сказать того, будто изученіе письменности раскольнической — *единственное* средство къ изученію раскола. Нѣтъ, хотя раскольники писали и пишутъ много, тѣмъ не менѣе есть не мало вещей въ расколѣ, которыя могутъ быть узнавы только личнымъ наблюденіемъ и близкимъ знакомствомъ съ самими раскольниками, потому что писать объ нихъ или неудобно или очень трудно. Но, не составляя *единственнаго* средства къ изученію раскола, знакомство съ письменностію раскольническою все-таки служитъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и надежныхъ къ этому пособій. Вотъ почему мы съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ трудъ г-на Б., хотя онъ знакомитъ насъ только «съ нѣкоторыми раскольническими сочиненіями.» Первый шагъ сдѣланъ; быть можетъ, найдутся лица, которыя въ состояніи будутъ продолжать начатое, и расколъ рано или поздно предстанетъ предъ нами безъ таинственнаго покрывала, подъ которымъ онъ прячется доселѣ.

Еще одно слово: авторъ «Описанія», высказывая цѣль, съ которою онъ издалъ въ свѣтъ свой трудъ, между прочимъ говоритъ: «читателямъ, ревнующимъ по расколѣ и способнымъ размышлять о немъ, это сочиненіе можетъ показать, какимъ баснямъ они обучаются, отрицаясь истиннаго благочестія (стр. 2)». Этимъ г. Б. хочетъ сказать, что обнародываніе письменности раскольнической, служа для лицъ православныхъ важнымъ средствомъ къ изученію раскола, можетъ быть полезно и для самихъ

раскольниковъ въ томъ отношеніи, что они, не видя въ книгахъ своихъ ничего, кромѣ басней, поймутъ свое заблужденіе и обратятся на истинный путь. Дай Богъ, чтобы такъ случилось, только мы сильно сомнѣваемся въ этомъ. Напротивъ, мы готовы даже раздѣлять опасеніе нѣкоторыхъ, чтобы печатное изданіе раскольническихъ сочиненій не послужило *на первыхъ порахъ* во вредъ нѣкоторымъ раскольникамъ, именно тѣмъ, которые доселѣ держались своихъ мнѣній по одному довѣрію къ своимъ наставникамъ, а теперь узнаютъ и самыя основанія для этихъ мнѣній. Да и самъ г. Б. говоритъ, что многія изъ разобранныхъ имъ сочиненій, даже для людей, только еще предрасположенныхъ къ принатію раскольническихъ мыслей, весьма и весьма опасны (¹). Это впрочемъ не значитъ, будто по этому не нужно и выдавать въ свѣтъ сочиненій въ родѣ «Описанія», — пользу подобныхъ изданій мы уже указали, — а говорить только о томъ, что появленіе въ свѣтъ подобныхъ сочиненій *необходимо должно* вызвать болѣе усиленную дѣятельность въ пользу православія со стороны тѣхъ, на комъ лежитъ этотъ священный долгъ, и притомъ дѣятельность не только кабинетную, письменную, теоретическую, но и устную, живую, болѣе дѣйственную. Тогда раскольники, увидя несостоятельность *самыхъ основаній* своего ученія и притомъ *всѣхъ*, убѣдятся въ истинѣ скорѣе, чѣмъ теперь, когда часто нужно бываетъ дѣйствовать не на умъ ихъ, всегда готовый принять истину, коль скоро сознательно убѣдится въ ней, а вросто на предубѣжденіе, всегда недовѣрчивое и рѣдко воспримчивое къ мнѣнію противоположному. Впрочемъ мы были бы не искренни, если бы въ настоя-

(¹) См. *извѣст.* ч. 1, стр. 14 ч. II, стр. 26 и 27.

цемъ своимъ замѣчаніи не сказали ничего болѣе, кромѣ того, что сказали. Въ вышеприведенныхъ словахъ г. Б. есть еще одна статья, на которую нельзя не обратить вниманія и потому, что она важна сама по себѣ, и еще болѣе потому, что она показываетъ взглядъ автора на расколъ, по которому г. Б. не видитъ въ немъ ничего, кромѣ *басней*. Странно было бы подробно опровергать такой взглядъ. Замѣтимъ только, что нужно имѣть много смѣлости и мало способности къ умозаключеніямъ, чтобы высказать такой взглядъ. Многое изъ того, что содержится въ книгахъ раскольническихъ и чему вѣруютъ раскольники, существовало въ нашей древней церкви, принималось тысячами нашихъ предковъ за истину, защищалось тоже, какъ истина, немалымъ числомъ нашихъ іерарховъ, предстоятелей церкви.... Сущность дѣла еще болѣе показываетъ несправедливость взгляда г-на Б. на расколъ. Нужно только прочесть внимательно и съ обсужденіемъ напр. разобранное въ «Описаніи» сочиненіе, подъ названіемъ: «Брачное Врачевство», — чтобы увѣриться въ справедливости этой мысли. Наконецъ, выскрианный г-мъ Б. взглядъ на расколъ рѣшительно не мирится съ его дѣйствительными замѣтками, какія онъ высказываетъ по поводу того или другаго сочиненія. Для примѣра указываемъ на слѣдующее мѣсто изъ «Описанія»: «эти четыре сочиненія (Діаконовы вопросы и отвѣты, отвѣты Софонтіевскіе и Поморскіе) составляютъ одинъ трудъ самой способной, между расколоучителями, головы (послѣ мы увидимъ, что это неправда), трудъ, выработанный годами, получившій въ исторіи раскола значеніе первостепенное, до сихъ поръ служащій для защитниковъ раскола обильнымъ источникомъ средствъ этой защиты, трудъ, противъ котораго всякій изъ обличителей раскола старался сказать

и не могъ не сказать что-либо и никто еще не исчерпалъ все его содержаніе (1)», т. е. никто еще не опровергъ всѣхъ положеній, высказанныхъ раскольниками въ указанныхъ сочиненіяхъ. Подобныхъ замѣчаній и даже такихъ: «это одно изъ разумнѣйшихъ старообрядческихъ сочиненій (2)» въ «Описаніи» не мало, и всѣ они ясно показываютъ, что г. Б. или составлялъ свое предисловіе, не зная еще сочиненій, о которыхъ брался писать, или просто хотѣлъ щегольнуть фразой, не вникая хорошо въ ея смыслъ. Съ поелѣднимъ мы болѣе согласны; и потому позволили себѣ ограничиться при разборѣ этой фразы самыми краткими замѣтками.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній, высказанныхъ нами по поводу «Описанія,» обратимся теперь къ частнымъ замѣткамъ о самомъ трудѣ г-на Б.

Предметъ «Описанія,» какъ мы уже замѣчали и какъ видно изъ самаго «Описанія,» составляютъ «сочиненія, написанныя глаголемыми старообрядцами въ защиту старообрядства, какъ историческія, такъ и учительныя или обличительныя, касаются ль они всего старообрядства (такихъ, сколько мы знаемъ, и нѣтъ), или только отдѣльной какой-либо его части», не всѣ изъ раскольническихъ сочиненій, а только тѣ, «какія были у автора подъ руками». Было бы несправедливо указывать, какъ сдѣлала это Сѣверная Пчела (№ 41, 1861 г.), на то, почему г. Б. не разобралъ въ своемъ «Описаніи» всѣхъ раскольническихъ сочиненій, которыхъ, замѣтимъ, у нихъ тысячи; но считаемъ не лишнимъ замѣтить, что г. Б. не выполнилъ своего обѣщанія. Кромѣ разобранныхъ сочи-

(1) Ч. II, стр. 304.

(2) Тамъ же, стр. 328.

неній, отъ нѣтъ (какъ увидимъ это послѣ) подъ руками и другія, и даже болѣе важныя многихъ разобранныхъ, заимствовалъ изъ нихъ нѣсколько свѣдѣній, но разбора этихъ сочиненій въ книгѣ мы не находимъ. Отъ чего это произошло, знаетъ только г. Б.

Порядокъ, въ какомъ разобраны въ «Описаніи» сочиненія раскольническія, слѣдующій: сначала рѣчь о сочиненіяхъ историческихъ, за тѣмъ—во второй части—рассматриваются сочиненія учительныя или обячительныя. Въ каждой изъ этихъ частей сочиненія рассматриваются въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ. Мы не можемъ согласиться, чтобы избранный г-мъ Б. порядокъ расположенія частей былъ вполне удаченъ. Не споримъ, что при такомъ порядкѣ въ книгѣ представляется болѣе научности и логическихъ приемовъ; но изъ-за этой формы теряетъ сущность дѣла, которую прежде всего и нужно имѣть въ виду. Кромѣ того, что такое расположеніе частей неудобно и почти даже невозможно, потому что большая часть раскольническихъ сочиненій (какъ видно изъ самаго «Описанія») имѣютъ содержаніе смѣшанно-историческое и догматическое вмѣстѣ,—при подобномъ дѣленіи трудно, если не невозможно, о каждомъ писателѣ, сочиненія котораго входятъ въ «Описаніе,» составить *полное* понятіе, такъ какъ разныя по содержанію сочиненія одного и того же лица должны въ такомъ случаѣ рассматриваться въ разныхъ мѣстахъ и не въ одно время,—тѣмъ болѣе трудно прослѣдить, какъ развивалось какое-либо ученіе у того или другаго писателя, въ сочиненіяхъ его, написанныхъ въ разныя времена; а безъ этого можно ли составить о какомъ-либо писателѣ понятіе даже *вѣрное*? Этими мы и объясняемъ нѣкоторые промахи, допущенные г-мъ Б., при обрисовкѣ того или

другаго раскольническаго писателя, а равно и ненужна повторенія. По нашему мнѣнію, всего лучше сочиненія, написанныя однимъ лицомъ, и разсматривать въ одномъ мѣстѣ, — въ порядкѣ времени, въ которое они появлялись на свѣтъ. Не споримъ, что и при этомъ можетъ быть *неполнота* въ свѣдѣніяхъ о писателѣ, но эта неполнота произойдетъ только или отъ неумѣнья сочинителя воспользоваться всѣми данными для своей цѣли, или отъ недостатка самыхъ данныхъ. Впрочемъ и самъ г. Б. не строго держится указаннаго порядка въ своемъ «Описаніи». Отъ того въ числѣ учительныхъ сочиненій можно встрѣтить сочиненія часто историческаго содержанія. Подтвержденіе на это мы представимъ ниже.

Хронологія въ «Описаніяхъ» подобныхъ разсматриваемому, вещь, по нашему мнѣнію, весьма важная. Чѣмъ лучше съумѣетъ авторъ расположить разбираемыя сочиненія въ приблизительно-хронологическомъ порядкѣ, тѣмъ больше будетъ выигрывать сущность дѣла. Это потому, что задача «Описанія» какъ думаемъ мы, должна состоять не въ томъ только, чтобы ознакомить насъ съ письменностію раскольническою и съ ея содержаніемъ, но главнымъ образомъ въ томъ, чтобы на основаніи самыхъ источниковъ раскола показать, какъ и подъ какими вліяніями расколъ, слабый и малоразумный въ началѣ, развивался съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, приобрѣтавъ новыя силы, мужаль, и съ тѣмъ вмѣстѣ ставившійся сознательнѣе, тверже, непобѣдимѣе. Все это, какъ всякій знаетъ, было въ расколѣ вѣсть, и это-то самая интересная сторона его, съ которою познакомиться мы можемъ только въ томъ случаѣ, когда прослѣдимъ за письменностію раскольническою шагъ за шагомъ, отъ начала до конца, въ той постепенности, съ какою про-

исходили въ расколѣ самыя событія. Къ сожалѣнію, авторъ «Описанія» смотрѣлъ на хронологию съ другой точки зрѣнія. Онъ расположилъ раскольническія сочиненія въ приблизительномъ хронологическомъ порядкѣ только для порядка, не имѣя въ виду указанныхъ соображеній. Отъ того въ «Описаніи» г-на Б. такой формализмъ, столько сухости-самой мертвой, что нужно имѣть много терпѣнія, чтобы со вниманіемъ прочитать его книгу. А между тѣмъ можно было бы вложить въ этотъ мертвый матеріалъ живую мысль, если бы къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ г. Б. присоединялъ еще свѣдѣнія напр. о томъ, какъ тѣ пункты ученія старообрядческаго, которые явились съ самаго начала раскола, разнообразились при дальнѣйшемъ развитіи старообрядства и принимали особенныя оттѣнки у разныхъ расколоучителей,—если бы при разборѣ каждаго новаго (слѣдующаго по порядку времени) сочиненія онъ показалъ его связь по содержанию (преимущественно въ ученіи) съ сочиненіями предшествовавшими, и то, что содержится въ немъ особеннаго въ этомъ отношеніи, выставилъ на видъ, какъ новость, и въ тоже время объяснилъ причину появленія этой новости, а равно и отношеніе ея къ ученію, какое существовало въ расколѣ до появленія въ свѣтъ того или другаго сочиненія. Не споримъ, что это—трудъ нелегкій, но за то онъ былъ бы болѣе живой и полезный. Впрочемъ мы благодарны г-ну Б. и за тѣ свѣдѣнія, какія онъ сообщаетъ о разсматриваемыхъ имъ сочиненіяхъ въ своемъ «Описаніи». А эти свѣдѣнія такого рода: со каждымъ сочиненіемъ—прежде: А) свѣдѣнія касательно внѣшней его стороны, именно, свѣдѣнія объ историческихъ обстоятельствахъ сочиненія: а) его писателѣ, о тѣхъ особенно обстоятельствахъ жизни писателя, которыя сопро-

вождали на свѣтъ появленіе его сочиненія; б) о мѣстѣ и времени написанія сочиненія; в) побужденіяхъ къ написанію и назначеніи сочиненія; г) о впечатлѣніи и вліяніи, какія сочиненіе произвело или можетъ производить,—потомъ,—Б) свѣдѣнія касательно внутренней стороны сочиненія, именно, свѣдѣнія: а) о главномъ предложеніи, главной мысли или идеѣ сочиненія; б) его планѣ; в) выдержанности того и другаго—идеи и плана въ отдѣльных частяхъ сочиненія; г) обстоятельства каждой изъ частей; д) общемъ характерѣ, языкѣ и замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ сочиненія, наконецъ; е) о значеніи сочиненія въ отношеніи къ старообрядству» (1). «Разумѣется, если эти свѣдѣнія, замѣчаетъ авторъ, будутъ сообщаемы тамъ, *иде это возможно*». И оказалось, что почти нигдѣ *невозможно*. За чѣмъ же послѣ этого было и обѣщать невозможное, или, по крайней мѣрѣ, трудно исполнимое? Соблюдена форма, наставлено много буквъ, указано много рубрикъ... схоластическое направленіе автора достаточно выказалось.

На первомъ мѣстѣ стоитъ въ «Описаніи» сочиненіе, подъ названіемъ: «Житіе Протопопа Аввакума», писанное самимъ же Аввакумомъ. Касательно представленнаго г-мъ Б. разбора этого сочиненія можно замѣтить, что авторъ не довольно разъяснилъ отношенія Аввакума къ современному обществу московскому и особенно къ боярамъ, а отношенія эти были значительны и близки и многое могутъ объяснить въ жизни протопопа. Кромѣ того, многое высказываетъ здѣсь авторъ голословно, безъ ясныхъ доказательствъ. Напр. г. Б. говоритъ, что вристушъ «Житія» представляетъ въ себѣ «совершенное от-

(1) Ч. I, стр. 1 и 2.

сутствіе порядка и логического смысла», что онъ «не-лѣпы» (1). Читатель, не прочитавъ подлинныхъ словъ приступа (они не приведены въ «Описаніи»), остается въ недоумѣніи, правда ли это, такъ какъ разнаго рода выдержки изъ «Житія» показываютъ, что Аввакумъ мыс-лилъ довольно правильно и писалъ довольно искусно. Да и самъ сочинитель говоритъ, что Аввакумъ, «какъ показываетъ его жизнь и особенно сочиненія, имѣлъ умъ отъ природы замѣчательный, развитый чтеніемъ многихъ памятниковъ тогдашней письменности» (2). Съ этимъ отзы-вомъ трудно мирится отзывъ сочинителя о приступѣ «Житія». Положимъ, что, «но недостатку образованія си-стематическаго», Аввакумъ могъ «вдаваться въ величай-шія крайности, странности и противорѣчія, способенъ былъ писать нелѣпности, подобныя письмамъ его о святой Троицѣ, о Христовомъ воплощеніи и во адъ сошествіи;» но все это больше касается убѣжденій Аввакума, чѣмъ способности его писать со смысломъ. Этимъ мы не от-вергаемъ въ Аввакумѣ возможности написать нелѣпность (область возможности слишкомъ обширна), а только у-казываемъ на то, что вопреку сочинителя Аввакуму ка-сательно приступа «Житія» намъ представляется голо-словнымъ. Конечно, слушатели въ аудиторіи, для кото-рыхъ и писались записки г-на Б. (предисл.), могли по-вѣрить ему на-слово; но всѣхъ трудно заставить быть въ роли довѣрчиваго ученика. Кромѣ указанныхъ недо-статковъ, намъ представляется самая характеристика Ав-вакума, начертанная «неокрѣпшею рукою» г-на Б., не довольно опредѣленною и даже не довольно вѣрною. По-

(1) Тамъ же стр. 14.

(2) Тамъ же стр. 8.

ложитъ, что Аввакумъ «характеръ имѣлъ въ высшей степени порывистый и въ тоже время непреклонный,» что онъ «былъ помѣшанъ на своей мнимой святости»⁽¹⁾, на своихъ страданіяхъ за вѣру отцевъ, на вѣрѣ въ высшее свое призваніе; но мы не понимаемъ, какъ все это «было причиною и всѣхъ его поступковъ дерзкихъ, невыносимыхъ для другихъ, и всѣхъ его несчастій «еще въ молодости до столкновенія его съ п. Николомъ»⁽²⁾, когда ничто не вызывало Аввакума на такое самоубійство, кромѣ развѣ его священническаго и затѣмъ протопопскаго сана. Напр. въ Юрьевцѣ Повольскомъ Аввакума едва не убили; но это несчастіе приключилось ему не за вѣру его въ высшее призваніе, а просто потому, что онъ, по обязанности пастыря, сталъ укорять жителей Юрьевца въ распутствѣ⁽³⁾; за подобную же ревность пастырскую пострадалъ Аввакумъ и на первомъ своемъ мѣстѣ, именно за то, что однажды «скоморохомъ пришедшимъ съ медвѣдями онъ хари и бубны изломалъ.» Не споримъ, что средство врѣзумленія—слашкомъ сильное; но нужно не знать времени, въ которое жилъ Аввакумъ, чтобы строго осуждать его за это. Всѣ эти и другія столкновенія Аввакума съ разными лицами г. Б. объясняетъ «неугомоиностію» или неуживчивостію Аввакума и видитъ въ этомъ дурную сторону его характера. А на основаніи сей-часъ сказаннаго нами можно объяснить дѣло и иначе, именно,—добросовѣстнымъ исполненіемъ Аввакумомъ пастырскихъ обязанностей, что не нравилось его

(1) Авторъ забылъ, что въ «книгѣ на крестоборную ересь» Аввакумъ подробно развиваетъ мысль, что онъ—человѣкъ грѣшнень, безобразнень, безславнень... ч. II, стр. 4.

(2) Ч. II, стр 8—9.

(3) Тамъ же стр. 11.

пасомымъ, по отличавшимся, какъ видно, особенною чистотою нравовъ. Вообще подъ перомъ г-на Б. Аввакумъ выходитъ чѣмъ-то только иррациональнымъ и тяжелымъ, а между тѣмъ были и хорошія стороны въ этой замѣчательной личности. Напр. развѣ можно было пропустить безъ вниманія слѣдующія замѣчательныя слова Аввакума, справедливость которыхъ несомнѣнна: «егда въ поитѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много..., не почивая, азъ, грѣшный, прилѣжа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градамъ и селамъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову Божию» (1)?

О слѣдующихъ за тѣмъ въ «Описаніи» сочиненіяхъ старца Авраамія и діакона Феодора нельзя сказать ничего, кромѣ развѣ того, что не было нужды «Вопросъ и Отвѣтъ старца Авраамія» (сочиненіе историческое) отдѣлять отъ другаго его сочиненія—«Посланія къ Нѣкоему Боголюбцу» (сочиненія учительнаго), когда изъ того и другаго авторъ привелъ мѣста, содержащія *одно и то же ученіе* объ антихристѣ (2), и что изъ сочиненій Феодора діакона разсмотрѣны г-мъ Б. только печатныя его произведенія, самыя ничтожныя по содержанию, а о другихъ, существующихъ въ рукописяхъ, болѣе замѣчательныхъ и болѣе хактеристичныхъ, нѣтъ ни слова, хотя *можно* было бы сказать что либо и объ нихъ, если бы даже этихъ сочиненій не было подъ руками у г-на Б. Въ Православномъ Собесѣдникѣ (за іюль и августъ 1859 г.) была довольно подробная рѣчь объ этомъ предметѣ, равно какъ

(1) Ч. I, стр. 10.

(2) Тамъ же стр 20 и 21; свес. ч. II, стр. 58—61.

была рѣчь и объ Аввакумѣ (май и авг. 1858 г.), на что авторъ «Описанія» также не обратилъ вниманія, хотя это было бы очень пригодно ему при составленіи характеристики Аввакумовой.

Содержаніе «Исторіи» Саввы Романова, довольно извѣстное уже по другимъ сочиненіямъ о расколѣ⁽¹⁾, изложено въ «Описаніи» подробно, большею частію подлинными словами Саввы, но и не безъ пропусковъ; въ концѣ прибавлено нѣсколько замѣчаній, не новыхъ, но дѣльныхъ. Въ разборѣ «Исторіи Соловецкой» прежде всего бросается въ глаза непомятая растянутасть въ изложеніи жизни Семена Денисова, — тѣмъ болѣе утомительная, что все это изложено подлинными словами «Исторіи Выговской Пустыни.» Ужели г-нъ Б. думаетъ, что онъ дѣлаетъ большое одолженіе наукѣ и публикѣ, когда вмѣсто того, чтобы сказать, что Семень Денисовъ, по возвращеніи своемъ изъ Шунги, куда онъ былъ взятъ на допросъ Самаринимъ, былъ принятъ выговцами съ радостію, которую выражали они пѣніемъ молебновъ, и, по праву настоятеля, обозрѣвалъ всѣ подчиненныя ему мѣста и лица, сопровождая свои посѣщенія приличными наставленіями, — начинаетъ разглагольствовать слѣдующимъ образомъ: «когда пріѣхалъ онъ въ свой монастырь, вси братія срѣтоша его у монастыря, и шедше въ часовню, совершили молебное пѣніе, и Симеонъ поучалъ братію», затѣмъ онъ отправился «на коровій дворъ», и «вси» здѣшніе обитатели «срѣтоша его у вратъ и поклонившася, радостными слезами радуясь, и, пришедше въ часовню, пѣша молебное пѣніе, и воздаша ему поздрав-

(1) Ист. Р. раск. Пр. Маг. стр. 240—258 изд. 2-е.

леніе; и поучивъ ихъ довольно, онъ съѣхалъ на Лексу, — и тамо братія срѣтоша его и возрадовашася радостію великою, и, шедше въ часовню, пѣша молебень, и Симеонъ даде всѣмъ поздравленіе и поучи братію довольно; и шедъ въ больницу, посѣти всѣхъ больничныхъ и на одрѣ лежащихъ, и поучи ихъ!» (1) и т. д. Ивану Филипову, писателю Исторіи Выговской Пустыни, изъ которой и взяты эти выписки, еще простительно подобное многословіе; но въ авторѣ «Описанія» оно необъяснимо. А такovy по языку почги всѣ историческія свѣдѣнія, сообщаемыя г-мъ Б. о жизни раскольническихъ писателей. Въмѣсто себя онъ заставляетъ говорить другихъ. — Въ концѣ разбора исторіи Соловецкой есть нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Денисовымъ. Хотя большая часть этихъ замѣчаній непрерывно *буквально сходны* съ подобными же замѣчаніями въ прежде изданныхъ сочиненіяхъ (2); тѣмъ не менѣе они составляютъ лучшую часть разбора Исторіи. Тоже самое нужно сказать и о разборѣ другаго сочиненія Семена Денисова, именно: «Винограда Россійскаго». И здѣсь указаны и опровергнуты авторомъ «Описанія» ложныя свѣдѣнія, передаваемыя Денисовымъ, опровергнуты дѣльно, но опять сходство многихъ изъ замѣчаний г-на Б. съ подобными же критическими замѣтками прежде изданныхъ книгъ — изумительное (3). Есть впрочемъ и различіе.

(1) Ч. 1, стр. 85; см. также стр. 83.

(2) Сравн. «Опис.» ч. 1, стр. 111—121, §§ 1, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 13, 15, 16 и др. съ Ист. русск. раскола Пр. Манар. стр. 234 — 239, изд. 2-е.

(3) См. «Опис.» ч. 1, стр. 155—157; смес. Ист. Русск. раск стр. 204 210—211; Ист. Др. и ист. Прав. Хр. Церк. — Высокпреосв. Григ. ч. II, стр. 204—5, изд. 1836 г.

Напр. преосвященный Григорій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи указываетъ, какъ на клевету Денисова и ложь, на слѣдующее извѣстіе Винограда Россійскаго, будто Варлаамъ митрополитъ ростовскій, проживавшій въ Москвѣ во время смерти п. Іосифа, предвидя въ Никонѣ «мятежника и смутителя всероссійскаго, хотящаго новинами поколебати св. Церковь», молился Богу, чтобы Онъ не далъ ему увидѣть Никона, когда тотъ возвращался изъ Соловецкаго монастыря съ мощами святителя Филиппа, для срѣщенія которыхъ пужно было выдти Варлааму, и будто, по молитвѣ Варлаама, Господь сотворилъ слѣдующее знаменіе: «у митрополита Варлаама, нало Никону не дошедшу, подломилися нозѣ, и онъ, на рукахъ поддерживающихъ его двухъ архиіаконовъ, предаде свою душу Господевѣ», — тогда какъ Варлаамъ скончался за день до внесенія св. мощей въ Москву. Г-нъ Б. почему-то не обратилъ вниманія на этотъ вымыслъ Денисова. Или онъ считаетъ извѣстіе Денисова справедливымъ? Ничего не говоритъ также авторъ «Описанія» о разсказѣ Денисова касательно первой встрѣчи Никона съ м. Афоніемъ, предшественникомъ Никона на новгородской кафедрѣ, а этотъ разсказъ замѣчательнъ.

Въ разборѣ «Житія Инока Корнилія» прежде всего бросается въ глаза *излишнее* желаніе г-на Б. показать свое знакомство съ раскольническими сочиненіями, желаніе, окончившееся многословіемъ. Опредѣляя время написанія «Житія», авторъ «Описанія» говоритъ: «Иванъ Филиповъ, написавшій «Исторію Выговской Пустыни» не позже 1740 года, въ этой исторіи своей выражается о «Житіи Корнилія», какъ уже написанномъ и извѣстномъ между его читателями (гл. 7). Изъ первой главы «Жи-

тія» видно, что оно написано, когда настоятели выговскаго общежительства Даниль былъ еще живъ (нач. гл. 7), а Андрей Денисовъ уже умеръ, т. е. между 1730 годомъ смерти Андрея и 1737 годомъ смерти Данила. А въ шестой главѣ прямо говорится, что «повѣсть сія описана лета 7239—1731» (гл. 8) ⁽¹⁾. Отъ чего жъ бы и не сказать прямо, что «Житіе Корнилія» написано 1731 года? Разбирая вѣкоторыя ложныя извѣстія, находящіяся въ «Житіи», въ опроверженіе мысли, будто Никонъ, будучи еще новгородскимъ митрополитомъ, уже слагалъ персты по новому и въ доказательство того, что Никонъ слагалъ персты по старому, будучи еще патриархомъ, авторъ ссылается на слово отвѣщательное, находящееся въ Скрыжали (стр. 180). Зная, какъ мало раскольники вѣрятъ этой книгѣ, не худо было бы указать на свидѣтельство болѣе убѣдительное для старообрядцевъ. И такое свидѣтельство г-нъ Б. могъ и долженъ былъ знать, перечитывая Виноградъ Россійскій, въ которомъ говорится, что Никонъ только съ 1654 г. началъ «триперстное сложеніе въ крестномъ знаменіи износить» и только въ 1655 году утвердилъ это «новшество», какъ «домать». Есть еще неточныя указанія. Напр. на стр. 181 говорится, что въ «Житіи Корнилія» есть между прочимъ сказаніе о пребываніи патриарха іерусалимскаго Θεосана въ Москвѣ, и въ подтвержденіе этого авторъ указываетъ на 5 гл. «Житія», а при изложеніи содержанія 5-й главы (стр. 172) объ этомъ нѣтъ ни слова; находится же это извѣстіе въ 4-й главѣ (стр. 171).

Въ концѣ разбора «Повѣсти» о Никонѣ авторъ «Описа-

⁽¹⁾ «Описан.» ч. I, стр. 167—8.

вія», по прийнятому плану, помістивъ нѣсколько очень дѣльныхъ замѣтокъ о ложныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ «Повѣстію.» Но основанія для нѣкоторыхъ замѣтокъ приведены г-мъ Б. не вполнѣ удовлетворительныя. Такъ, говоря, что въ «Повѣсти» извѣстіе о томъ, будто Никонъ, будучи еще священникомъ, переселился въ Москву «для непостоянства жены своєю», — не справедливо, г-нъ Б. замѣчаетъ: «на дѣлѣ Никонъ перемѣстился въ Москву, по предложенію московскихъ купцовъ, которые, узнавъ о пастырскихъ добродѣтеляхъ его и благочестіи, приходили къ нему принять его благословеніе и сдѣлали ему это предложеніе, въ слѣдствіе чего онъ и перемѣстился съ своею супругою (¹).» Въ доказательство справедливости своихъ словъ, авторъ «Описанія» ссылается на 315 стр. 1-й ч. исторіи Берха: «Царствованіе Алексѣя Михайловича». Не знаешь, по какому изданію сдѣлалъ этотъ цитатъ г-нъ Б., но въ изданіи 1831 года въ первой части указанной исторіи только 314 страницъ. Да и во всей исторіи Берха нѣтъ этого извѣстія, а есть только замѣтка такого рода: «достигши до званія священника, прожилъ онъ (Никонъ) въ Москвѣ 10 лѣтъ и развѣдаясь вдругъ съ женою своею, ушелъ въ Анзерскій скитъ» (²). Кромѣ того есть въ «новѣсти» ложныя сказанія, на которыя авторъ «Описанія» не обратилъ вниманія. Напр. по «Повѣсти» «Господеви Богу попустившу за многія грѣхи возведенъ бываше Никонъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ московскимъ на престолъ великоновгородской митрополіи». Между тѣмъ, по свидѣтель-

(¹) Ч. I, стр. 191.

(²) Ч. I, стр. 76.

ству нѣкоторыхъ изслѣдователей раскола, Никонъ былъ посвященъ въ новгородскаго митрополита іерусалимскимъ патріархомъ Павлиемъ, бывшимъ въ это время въ Москвѣ (1). Нужно было бы разъяснить этотъ вопросъ, а между тѣмъ г-нъ Б. вовсе не упоминалъ объ этомъ извѣстн «Повѣсти»,—даже при изложеніи ея содержанія (2). Равнымъ образомъ не обращено вниманія авторомъ «Описанія» на рассказъ «Повѣсти» о взглядѣ на Никона ростовскаго митрополита Варлаама и о смерти послѣдняго,—рассказъ, похожій на повѣствованіе о томъ же предметѣ Денисова въ «Россійскомъ Выпоградѣ». Наконецъ есть въ «Повѣсти» сказаніе, которое, по своей важности, могло бы быть замѣчено и выставлено на видъ, тогда какъ г-нъ Б. только вскользь упомянулъ объ немъ (3), при изложеніи общаго содержанія «Повѣсти»,—сказаніе о томъ, что, когда Никонъ еще въ Новгородѣ сталъ вводить въ церковное употребленіе «партесное многоусугубляемое пѣніе»,—оному сочувствовалъ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ самихъ спращиковъ Іосифовскихъ, именно, духовникъ царскій, Стефанъ Вонифатьевъ.

Въ разборѣ «Исторіи Выговской Пустыни» обратили наше вниманіе слѣдующія слова автора «Описанія»: «на всѣ событія Филиповъ (писатель исторіи) смотритъ съ своей точки зрѣнія, и изображаетъ ихъ пристрастно, односторонне: напр. въ рассказѣ о разглагольствіи выговскихъ пустынножителей съ іеромонахомъ Несеютомъ, выговцы представлены торжествующими, а іеромонахъ

(1) Ист. Русск. Раск. Пресса. Мак. стр. 182, изд. 2-е. Живописно-Никона сост. арх. Аполл. стр. 15.

(2) Ч. I, стр. 186.

(3) Ч. I, стр. 187.

разбитымъ и посрамленнымъ на всѣхъ пунктахъ. Но вѣрить эти рассказы и показать ихъ односторонность, по недостатку записей отъ лица православныхъ, невозможно (¹).» Послѣ этого на какомъ же основаніи г. Б. заподозриваетъ Филипова, какъ писателя, въ пристрастіи и односторонности?... Въ рассказѣ Филипова о разглагольствіи выговцевъ съ іеромонахомъ Неофитомъ, по нашему мнѣнію, не видно пристрастія Филипова къ своей сторонѣ. Неофитъ дѣйствительно оказался несостоятельнымъ предъ выговцами *послѣ* того, какъ они представили ему свои «Отвѣты»; а о событіяхъ *до* этого времени Филиповъ говоритъ, не скрывая слабыхъ сторонъ своихъ обратій, напр. того, что выговцамъ до составленія Отвѣтовъ отговаривались явиться къ Неофиту на состязаніе изъ опасенія быть побѣжденными.

Говоря о жизни Ивана Алексѣева, писателя «Исторіи о Бѣгствующемъ Священствѣ», авторъ «Описанія» между прочимъ замѣчаетъ: «въ сочиненіяхъ Ивана Алексѣева мы встрѣчаемъ слѣдующіе крайніе годы его жизни (изложеніе которой, прибавимъ, растянуто г-мъ Б. длиннѣе, кажется, самой жизни): самый ранній 1728, когда Алексѣевъ былъ въ поморскихъ странахъ и сносился съ Андреемъ и Сумономъ Денисовыми по нуждѣ о разныхъ церковныхъ дѣлахъ, и когда онъ долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ около 20 лѣтъ жизни; самый поздній 1758, когда Алексѣевъ написалъ свое «Обличительное Слово на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ (²).» Здѣсь г-мъ Б. допущены двѣ неточности. Во первыхъ: «Обличительное Слово», какъ значитъ въ концѣ его и

(¹) Тамъ же стр. 260.

(²) Ч. I, стр. 271.

какъ замѣтилъ объ этомъ ⁽¹⁾ самъ г. Б., «написана лѣта 7267, декабря 10»; а это значить въ 1759, а не 58 году. Во вторыхъ: г. Б. говоритъ ⁽²⁾, что сочиненіе «О Тайнѣ Брака», принадлежащее тому же Ивану Алексѣеву, явилось на свѣтъ «лѣта міра бытія 7270, октября», т. е. въ 1762 году. Отъ чего же авторъ «Описанія» оставилъ эту справедливую замѣтку безъ вниманія и *самымъ позднимъ* годомъ жизни Алексѣева назначилъ 1758 годъ? Можетъ быть, г. Б. сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли сочиненіе «О Тайнѣ Брака» есть произведеніе пера Алексѣева? Но во-первыхъ, такое предположеніе не мирится съ высказанными г-мъ Б. объ этомъ предметѣ мыслями ⁽³⁾; во-вторыхъ, тогда и «Обличительное Слово» нельзя будетъ съ рѣшительностію приписать Алексѣеву, потому что всѣ основанія, по которымъ г. Б. считаетъ его произведеніемъ Алексѣева, тѣсно связаны съ книгою «О Тайнѣ Брака» ⁽⁴⁾; значить, тогда нельзя было бы указать и на 1758 годъ, какъ самый поздній въ жизни Алексѣева. Съ цѣлію исправить неточность, мы замѣтимъ, что по свидѣтельству позднѣйшихъ раскольническихъ писателей (Павла Любопытнаго) и книга «О Тайнѣ Брака» и «Слово Обличительное» несомнѣнно принадлежатъ Алексѣеву, что по свидѣтельству того же Павла Любопытнаго, Алексѣевъ былъ стародубскій государственный крестьянинъ и скончался честно въ Стародубѣ 1776 года, отъ рожденія своего 67 лѣтъ ⁽⁵⁾.» Значить, родился

⁽¹⁾ Стр. 270.

⁽²⁾ Тамъ же.

⁽³⁾ Стр. 263—6, 272.

⁽⁴⁾ Стр. 270.

⁽⁵⁾ «Каталогъ или бібліотека писателей староѣрч. церкви и всѣхъ ихъ твореній»—Павла Любопытнаго; его же—«историч. словарь староѣрч. церкви»,—рукоп. моей бібліот. № № 18 и 21.

Алексѣевъ въ 1709 году и, находясь въ поморскихъ странахъ въ 1728 году, дѣйствительно имѣлъ отъ роду около 20 лѣтъ.

Съ отзывомъ г-на Б. объ Иванѣ Алексѣевѣ мы вполне согласны, и даже готовы сказать объ Алексѣевѣ, какъ писателѣ, еще болѣе хорошаго, чѣмъ сколько сказано о немъ авторомъ «Описанія.» Дѣйствительно, это былъ человекъ «съ огромною начитанностію», замѣчательнѣйшихъ природныхъ дарованій, правда, безъ школьнаго, систематическаго образованія, тѣмъ не менѣе способный писать умно, бойко, послѣдовательно и логично, ризумѣется, не безъ промаховъ, но это — недостатокъ, нечуждый никому. Жаль только, что г. Б., имѣя подъ руками *многа* сочиненія Алексѣева, ограничился, вопреки своимъ словамъ, разборомъ одной только его «Исторіи о Бѣгствующемъ Священствѣ», — сочиненія, нужно сказать, ииѣе другихъ замѣчательнаго. Другое дѣло — книга Алексѣева «О Тиннѣ Брака», а равно и мелкіе трактаты его, перечисленные въ «Описаніи» (1). Тутъ Алексѣевъ рисуется весь, со всѣми своими особенностями, съ умомъ довольно свѣтлымъ и здравымъ, съ начитанностію громадною, съ извѣстною мѣрою безпристрастія, такъ что, вопреки собственной склонности къ безбрачію, вопреки укоренившемуся издавна у безлоповцевъ (особенно у едосѣевцевъ) обычаю — жить безбрачно, — онъ защищаетъ бракъ, какъ дѣло святое, законное и необходимое, — съ своимъ раціоналистическимъ (это рѣдкость) взглядомъ на вещи, по которому онъ не нашелъ дерзкимъ сказать, что Евангеліе, ученіе Христа и Апостоловъ (древ-

(1) — Стр. 262.

ницъ стариковъ, по выраженію Алексѣева), ученіе древней Церкви, выразившееся въ соборныхъ опредѣленіяхъ и писаніяхъ св. Отцевъ, вотъ истинный источникъ и критерій истины. А старикамъ раскольническимъ можно и нужно вѣрить только тогда, когда они учатъ согласно съ указанными авторитетами (въ «Словѣ Облич.»). У кого изъ раскольническихъ писателей можно встрѣтить такой въ этомъ родѣ прямой и свободный, не подавленный предрасудками и привязанностію къ своимъ домашнимъ до-никоновскимъ авторитетамъ, образъ мыслей? Здѣсь же, въ оставленныхъ безъ разбора сочиненіяхъ Алексѣева, можно было бы найти и гораздо больше мыслей, пригодныхъ для православнаго обличителя раскола, (напр. сочиненія Алексѣева: «о Власти Преосвященнаго Чина», «о Вѣчности Священства Христова»,—въ которыхъ онъ доказываетъ важность и необходимость въ церкви епископовъ, цѣликомъ могутъ идти въ обличеніе поповцевъ), а равно и свѣдѣній о внутренней жизни нѣкоторыхъ, какъ безпоповщинскихъ (напр. еодосѣевцевъ въ книгѣ «О Тайнѣ Брака» и въ «Словѣ Обличит.»), такъ и поповщинскихъ толковъ (напр. въ сочиненіи: «о Истинной Церкви доказательства, кую и врата адовы одолѣти не могутъ», особенно же въ отвѣтѣ «Мужу Честному, присланному къ намъ четыре нѣкія вопросы»). Повторяемъ, это слишкомъ замѣтный пропускъ, и мы не можемъ даже объяснить себѣ, почему г. Б. позволилъ себѣ оставить безъ разбора указаннаго сочиненія Алексѣева, когда у него достало терпѣнія описать напр. челобитныя Никиты, Лазаря, Соловецкую, и мало замѣчательныя сами по себѣ, и довольно извѣстныя по печатнымъ книгамъ, въ которыхъ эти челобитныя опровергаются,—или напр. «Сло-

во о Мученикахъ (1), не представляющее ничего новаго сравнительно съ прежде разобранными сочиненіями. А вѣдь съ Алексѣева начался въ безповоинный новый періодъ развитія нѣкотораго ученія, напр. о бракѣ. Эти моменты въ расколѣ всего болѣе и важны, по нашему мнѣнію.

Въ сужденіи автора «Описанія» о Герасимѣ Фирсовѣ, писателѣ «Посланія къ Брату смиреннаго ивока» (ч. II), намъ кажется, больше строгости, чѣмъ правды. «Въ собственныхъ соображеніяхъ сочинителя, говоритъ авторъ «Описанія», дѣльнаго нѣтъ ничего: личныя сужденія его о смыслѣ, важности и особенно *подлинности* свѣдѣтельствъ (которыя привелъ Фирсовъ въ подтвержденіе своего ученія о сложеніи перстовъ) весьма шатки (2)». Съ послѣднимъ мы согласны, хотя не можемъ не замѣтить, что требованіе критической оцѣнки Древнихъ памятниковъ отъ простаго старца соловецкой обители, жившаго въ XVII вѣкѣ, едвали справедливо, когда мы знаемъ, что и болѣе видныя и болѣе образованныя личности этого времени отказывались опредѣлять *подлинность* того или другаго древняго сочленія. Не забудемъ, что самъ московскій соборъ 1667 года, касаясь напр. Стоглава (книги), ничего не сказалъ о его подлинности, а только опредѣлилъ: «соборъ, иже бысть при благочестивомъ великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отъ Макарія митрополита московскаго, и что писаша о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи и о прочемъ, еже писано неразсудно про-

(1) Ч. II, стр. 328 и др.

(2) Стр. 70.

стотою и невѣжествомъ въ князѣ Стоглавѣ, и клятву, юже безъ разсужденія несправедливо положиша, мы православніи патріарси... я весь освященный соборъ тую неправедную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ и клятву ни во что же вмѣняемъ, якоже и не бысть»... Но первый упрекъ, сдѣланный г-мъ Б. Фирсову, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ справедливъ. Въ собственныя соображенія Фирсовъ пускается *преимущественно* при рѣшеніи возраженій, какія сдѣланы были противъ двуперстія въ Скрыжали, изданной п. Никономъ. Въ Скрыжали было замѣчено, что тремя перстами—пальцемъ (большимъ) и двумя меньшими послѣдними ⁽¹⁾, какъ неравными и отдѣленными другъ отъ друга, нельзя изображать таинства Святыя Троицы, соприсносущной и равнославной, что «равными и подобными персты святая, соприсносущная, сопрестольная и равнославная Троица почитается.» Отвѣчая на это возраженіе, Фирсовъ сперва свидѣльствами изъ Отцевъ старается доказать, что «образованіи тѣлесными невозможно мѣрити необразуемое Таинство тройческое»,—а потомъ, желая поразить православныхъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, говорить, что и три первые персты (употребляемые православными для крестнаго знаменія) также «неравны и неподобны къ себѣ», что «средній выше указательнаго, великій же палецъ кратокъ и дебели паче обонхъ, и отнюдь видомъ неприличенъ симъ, и мѣстомъ отстоитъ отъ нихъ»,—что поэтому и этими перстами неудобно «образовати божественное» таинство Трои-

(1) Раскольники учатъ, что двумя перстами—указательнымъ и среднимъ они изображаютъ два естества въ Исусѣ Христѣ, а третій—пальцемъ съ двумя послѣдними—таинство Пресвятыя Троицы.

цы. Отвѣтъ логикъ, показывающій гибкость и оборотливость ума. Отселѣ можно видѣть, что въ такихъ вопросахъ, каковъ вопросъ о перстосложеніи, не столько сильны и убѣдительно могутъ быть разсужденія, сколько—исторія,—то, какъ было прежде. И это едва ли не лучшее средство рѣшать спорные вопросы объ обрядахъ. Тою же простою и мѣткостью отличается отвѣтъ Фирсова и на другое возраженіе Скрыжали, состоящее въ томъ, будто бы исповѣдующіе въ двухъ перстахъ, указательномъ и среднемъ, «таинство смотрѣнія Бога Слова, Божество и человечество», впадаютъ не-хотя въ ересь Несторія, мудрствовавшаго «двѣ въпостаси во единомъ Христѣ»,—впадаютъ въ ересь именно тѣмъ, что, означая синовиною въпостась прежде въ трехъ перстахъ (палецъ большомъ—съ двумя послѣдними), изображающихъ Святую Троицу, затѣмъ «особь ину (въпостась) повѣдая быти въ указательномъ и великосреднемъ». Фирсовъ опять прежде всего говоритъ: «мы употребленіемъ перстовъ указательнаго и великосредняго не двѣ въпостаси мудрствуемъ во единомъ Христѣ, якоже вы коварнѣ и лестнѣ глаголите... Сима двѣма перстома исповѣдаемъ единаго Господа нашего Исуса Христа, единаго по составу (т. е. по лицу, по въпостаси, въ какомъ смыслѣ употреблялось въ древней литературѣ слово: составъ, см. напр. — кн. о вѣрѣ л. 40), отъ двою же различну естеству, въ совершенное единство неслитнѣ стекшихся... Якоже тогда плотію на земли поживе, и на небеси неразлученъ со Отцемъ и Духомъ бѣ: тако и здѣ три персты являютъ Его неразлучна со Отцемъ и Духомъ на небеси; два же перста — Того же Единаго, плотію живша на земли.» Въ этомъ отвѣтѣ замѣчательно довольно правильное и ясное пони-

маніе Фирсовымъ высочайшихъ догматовъ нашей Вѣры— о Троицѣ и воплощеніи Бога Слова. Всякій можетъ видѣть, что это—не бредни Аввакума относительно высокихъ таинствъ Вѣры (1), а довольно точное изложеніе православнаго ученія. Такимъ образомъ, вопреки автору «Описанія», мы соглашаемся съ Денисовымъ, который говоритъ, что посланіе Фирсова есть добрѣйшее изображеніе мудрости его»,—мы радуемся отъ души, что еще въ XVII вѣкѣ у насъ были простые соборные старцы, такъ сознательно усвоившіе себѣ догматы Вѣры, хотя и заблуждавшіе въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ частностяхъ. Вотъ почему, говоря о Фирсовѣ, мы позволили себѣ подробности, которыя, пожалуй, покажутся инымъ излишними. Но Фирсовъ не ограничился приведенными словами при рѣшеніи втораго возраженія Скрыжали. Онъ говоритъ еще, что православные, несправедливо обвиняя другихъ въ ереси, скорѣе—сами еретики, такъ какъ въ троеперстіи Христось Спаситель сугубъ естествомъ не проповѣдуется, по Евтиху и Диоскору, «смѣшающимъ и сливающимъ Христа во едино естество», и по Аполлинарію, который училъ, что «разумныя души Христось не пріялъ, вмѣсто души Божеству довольно сущу»,—«по Сергію и Пиру и Павлу» константинопольскимъ, и «Анорію римскому и Кириллу александрійскому, Θεодору еаранскому и Макарію антиохійскому, дерзнувшимъ изрещи едино хотѣніе и едино дѣйство во Христѣ Бозѣ нашемъ». Мы привели эти послѣднія слова Фирсова для того, чтобы показать не силу замѣчанія Фирсова противъ православнаго перстосложенія, а его знаніе догматовъ Вѣры и знакомство съ церковною исторією, — достоинства, ко-

(1) См. объ нихъ въ «Описаніи» ч. II, стр. 38—43.

торыхъ г-ну Б. не слѣдовало опускать изъ виду, при составленіи характеристики Фирсова, какъ писателя. Не споримъ, что начитанность Фирсова, его знакомство съ отеческою письменностію и памятниками древности не таковы, чтобы предъ нами могъ склонить голову современный образованный человѣкъ; но не нужно забывать, что мы живемъ во второй половинѣ XIX столѣтія...

Въ разборѣ *челобитныхъ* прежде всего бросаются въ глаза длинныя выписки изъ Актовъ Историческихъ ⁽¹⁾. Къ чему это? Не лучше ли было бы изложить дѣло языкомъ яснымъ и современнымъ? Вѣдь Акты Историческіе—нелѣдность, если бы кому-либо вѣдуналось справиться съ подлинными словами. Намъ хотѣлось бы словъ автора «Описанія», а онъ заставляетъ читать цѣлыя страницы, писанныя еще въ XVII вѣкѣ... Не можемъ не указать еще и на нѣкоторыя неточности. Г-нъ Б. къ числу обличеній Никиты и Лазаря, высказанныхъ только ими и уже не повторявшихся, относитъ между прочимъ 10-е обличеніе Никиты и 53-е Лазаря. На самомъ дѣлѣ эти обличенія встрѣчаются и въ позднѣйшихъ раскольническихъ сочиненіяхъ. 10-е обличеніе Никиты повторено напр. въ «Книгѣ Никодимовой» (Хр. Чт. 1860 г. ноябр. стр. 500), а 53-е обличеніе Лазаря находится напр. въ Книгѣ объ Антихристѣ изъ 35 статей (рукоп. нашей академ. библіот. № 69, л. 39 об.).

Тѣ же недостатки, какіе мы сей-часъ указали, находятся и въ разборѣ «Діаконовыхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ». Прочитайте напр. ч. II, стр. 136—145, и вы увидите, какъ искусно авторъ «Описанія» *переписываетъ* древніе памятники. Утомительно до невѣроятности, и все это безъ

(1) См. напр. «Опис.» ч. II, стр. 76 и 78, 86—87.

нужды, безъ прямого отношенія къ дѣлу. Впрочемъ, это мелоча, и мы снѣшимъ указать болѣе важныя вещи. Писателемъ «Діаконовыхъ Вопросовъ» авторъ «Описанія» считаетъ Андрея Денисова по слѣдующей причинѣ: «все содержаніе этихъ вопросовъ, говоритъ онъ, пріемъ изложенія, новыя предметы въ нихъ введенныя, распорядокъ многихъ вопросовъ, даже частныя выраженія во многихъ мѣстахъ, слишкомъ сходны съ духомъ, направленіемъ, порядкомъ изложенія и частными выраженіями «Поморскихъ Отвѣтовъ»... Это приводитъ насъ къ несомнѣнному почти предположенію, что писала эти вопросы та же, своеобразная изъ раскольническихъ рукъ, рука, которая, по свидѣтельству рукописнаго жизнеописанія Андрея Денисова, писала и «Отвѣты Діаконовы» и «Поморскіе Отвѣты»,—рука Андрея Денисова^(*). Не споримъ, что «Отвѣты Діаконовы» писаны Андреемъ Денисовымъ (Поморскіе Отвѣты составлялись многими, только подъ редакціею Денисовыхъ Андрея и Семена), но не соглашаемся признать его же произведеніемъ и «Вопросы Діаконовы». Основанія, на которыхъ опирается въ своемъ мнѣніи г. Б., недостаточны для цѣли. Во-первыхъ, сходство разныхъ сочиненій въ духѣ, содержаніи, пріемахъ изложенія, даже въ выраженіяхъ, еще не можетъ вести къ несомнѣнному предположенію, что эти сочиненія вышли изъ-подъ пера одного и того же писателя, если нѣтъ другихъ данныхъ для подобнаго предположенія; это сходство легко можетъ быть объяснено изъ другаго источника—единствомъ воспитанія, образованія, направленія разныхъ писателей, а раскольники учатся всѣ въ одной школѣ... Во-вторыхъ, и что важнѣе, сходство между

(*) Ч. II, стр. 100 и 161.

«Діаконовыми Вопросами» и «Поморскими Отвѣтами» далеко не такъ близко, чтобы то и другое сочиненіе принадлежало одному и тому же лицу. Если и встрѣчается рѣчь объ однихъ и тѣхъ же предметахъ въ томъ или другомъ сочиненіи, это отъ того, что тамъ и здѣсь дѣло идетъ объ одномъ и томъ же расколѣ. Иное дѣло «Діаконовы Отвѣты;» въ нихъ очень замѣтно (напр. въ статьѣ о еретикѣ Мартинѣ и др.) перо главнаго составителя и редактора «Поморскихъ Отвѣтовъ»—Андрея Денисова. Мы можемъ даже сказать, что сходства большаго между «Діаконовыми Вопросами» и «Поморскими Отвѣтами» не могло быть, если бы даже допустить, что писателемъ того и другаго сочиненія былъ одинъ и тотъ же Андрей Денисовъ. «Поморскіе Отвѣты», какъ извѣстно всѣмъ, писаны выговцами на вопросы Неофита (1723 г.); следовательно здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ только предметахъ, о которыхъ спрашивалъ выговцевъ Неофитъ. Значитъ—далее—въ «Поморскихъ Отвѣтахъ» Денисовъ долженъ былъ писать о многомъ такомъ, что могло и не придти ему въ голову, при составленіи (въ 1716 г.) «Діаконовыхъ Вопросовъ», если бы дѣйствительно онъ писалъ ихъ. Другое дѣло—сходство «Отвѣтовъ Діаконовыхъ» съ «Поморскими». Здѣсь оно *возможно*, потому что, пиша «Діаконовы Отвѣты,» Денисовъ долженъ былъ рѣшать вопросы Питирима, изъ которыхъ многими могъ воспользоваться и дѣйствительно воспользовался для своей цѣли ученикъ Питирима—Неофитъ при состязаніи съ выговцами. Такимъ образомъ основанія, по которымъ г. Б. почти несомнѣнно предполагаетъ, что писателемъ «Діаконовыхъ Вопросовъ» былъ Андрей Денисовъ, мы находимъ недостаточными. Мало этого: мы можемъ представить основанія *противъ* такого предположенія. Между «Вопросами

Діаконовыми», по справедливому замѣчанію самого г-на Б., строгаго порядка и логической послѣдовательности нѣтъ (¹). Нерѣдко писатель вопросовъ объ одномъ и томъ же предметѣ спрашиваетъ не разъ, не два, а нѣсколько разъ, повторяя въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же мысль (таковы вопросы объ аллилуйи, о перстосложеніи и др.); между вопросами почти нѣтъ такихъ, которые бы касались заблужденій *собственно безпоповщинскихъ*, исключая 167 вопр. о томъ, достоинъ ли несвященному иноку исповѣданія человѣческая пріимати. Впрочемъ и этотъ вопросъ могъ быть предложенъ *поповцемъ*, потому что и поповцы, за неизмѣнимъ бѣглыхъ поповъ, иногда исповѣдаются простымъ инокамъ, и даже мірянамъ. Напротивъ всѣ вопросы направлены къ подтвержденію мыслей, которыхъ держатся и поповцы и безпоповцы, т. е. общихъ заблужденій раскольническихъ, а нѣкоторые (напр. вопр. 169, 213, 217, 222 и др.) прямо показываютъ въ писателѣ ихъ поповца; вопросъ же 240 изложенъ такъ, какъ не могъ изложить его безпоповецъ, который въ книгѣ о вѣрѣ находитъ главное основаніе для своего ученія объ антихристѣ. Между вопросами есть не мало, какъ создается въ этомъ и г. Б., пустыхъ и мелочныхъ (²). Все это даетъ основаніе думать, что «Діаконовы Вопросы» писаны рукою *меньше способною и опытною*, чѣмъ рука Андрея Денисова, и *болѣе миролюбивою*, чѣмъ рука *безпоповца*. Далѣе: 130 вопросовъ были посланы Пятиримоу діаконовцамъ 1 января 1716 года, а свои 240 вопросовъ діаконовцы представили Пятириму того же 1716 года 1 августа. Въ такой короткій срокъ едва ли діако-

(¹) Ч. II, стр. 146.

(²) Ч. II, стр. 157.

новцы успѣли бы отыскать въ Москвѣ Андрея Денисова и убѣдить его написать вопросы (по жизнеописателю Денисова, онъ долго не соглашался на составленіе и отвѣтовъ, опасаясь навлечь на себя подозрѣніе со стороны безпоповцевъ). Да и что за-нужда была діаконовцамъ обращаться въ этомъ случаѣ къ Денисову, когда и сами они, при всей своей «неграмотности и невѣдѣніи превыспренней богословіи», могли написать Питириму *вопросы*? И между ними были люди (діаконъ Александръ, Варсаноеій и др.), на столько по крайней мѣрѣ знавшіе грамату и богословіе, чтобы не затрудниться составленіемъ такихъ безпорядочныхъ вопросовъ, каковы «Діаконовы Вопросы.» Иное дѣло было писать *отвѣты* на вопросы Питирима. Отвѣчать,—знакомая всѣмъ истина,—всегда труднѣе, чѣмъ спрашивать, и въ этомъ случаѣ діаконовцы не безъ причины обратились за помощію къ Денисову. Мы готовы допустить даже такое предположеніе, что діаконовцы, не въ состояніи будучи сами написать *Отвѣты*, нарочно составили (сами) и послали Питириму *Вопросы*, чтобы этимъ выиграть время, какое требовалось для отысканія помощника въ составленіи отвѣтовъ. Иначе трудно объяснить рѣшимость діаконовцевъ безпокоить Питирима вопросами. Наконецъ послѣднее и самое главное основаніе, по которому мы не рѣшаемся признать Андрея Денисова составителемъ «Діаконовыхъ Вопросовъ»,—то, что жизнеописатель Денисова, говоря о написаніи имъ «*Отвѣтовъ*», ни слова не сказалъ о составленіи имъ «*Вопросовъ*.» Подобный пропускъ необъяснимъ, если бы то и другое сочиненіе вышли изъ-подъ пера одного и того же Денисова. Предполагать, что жизнеописатель Денисова или не зналъ этого, или не хотѣлъ писать объ этомъ, нельзя. Рассказъ его о Денисо-

въ, даже писателі «Отвѣтовъ», рѣшительно опровергаетъ те и другое предположеніе. Остается еще одно: говоря о помощи Денисова діаконѣ, не разумѣлъ ли жизнеописатель его подъ этою помощію составленія Денисовымъ не только отвѣтовъ, но и вопросовъ? Кромѣ того, что подобное предположеніе слишкомъ произвольно, оно опровергается свидѣтельствомъ другаго писателя раскольническаго, *безпоковца, поморца*—Павла Любопытнаго. Въ своемъ «Каталогѣ Писателей староѣрческой церкви», перечисляя сочиненія Андрея Денисова, онъ говоритъ, что Денисовъ «написалъ по убѣжденію поповщины, или старообрядцевъ, важныя, разительныя, духомъ благочестія и убѣжденія исполненныя *отвѣты*, называемыя діаконѣ, Питириму нижегородскому епископу», — а о «Вопросахъ Діаконовыхъ» ни слова. Пропустить такое объемистое сочиненіе, если бы оно было написано Денисовымъ, Павелъ Любопытный не могъ, потому что главная задача его «Каталога» — указать по возможности *все* вообще сочиненія раскольническихъ писателей, и онъ дѣйствительно указываетъ самыя мелкія и незначительныя, напр. слова Андрея Денисова на срътеніе Господне, въ недѣлю мясопустную и др. А послѣ всего этого мы считаемъ несправедливымъ и другое предположеніе г-на Б., будто и такъ называемыя «Софонтіевскіе Отвѣты» писаны тѣмъ же Андреемъ Денисовымъ⁽¹⁾. Объ этомъ не говорить ни слова ни жизнеописатель Денисова, ни Павелъ Любопытный. А что, что 1) Софонтіевскіе Отвѣты набрсаия хотъ наскоро и небрежно, но рукою весьма способною и опытною, и что 2) въ Софонтіевскимъ Отвѣтахъ есть обличенія на православную Церковь, какія можно видѣть

(1) Ч. II, стр. 169, см. стр. 304.

только въ *Діаконовыхъ Вопросахъ*, писанныхъ Андреемъ Денисовымъ, а въ прежнихъ памятникахъ старообрядческой письменности нигдѣ,»—еще не доказываетъ того, что и *Софонтіевскіе Отвѣты* составлены Андреемъ Денисовымъ. Потому что, какъ мы сказали, нельзя согласиться, чтобы *самые Вопросы Діаконовы* вышли изъ—подъ пера Денисова, а опытные руки бывали въ расколѣ всегда, и не мало, которыя самими обстоятельствами времени принуждены были писать о такихъ предметахъ, о которыхъ въ *прежнихъ памятникахъ старообрядческой письменности* не было, да и не могло быть рѣчи, такъ какъ многіе изъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, напр. въ *Діаконовыхъ Вопросахъ* и *Отвѣтахъ*, вышли на сцену уже только при Питиримѣ,—таково, между прочимъ, соборное дѣяніе на еретика Мартина. Послѣ всего сказаннаго, мы не согласны съ мнѣніемъ г-на Б., будто на *Діаконовы Вопросы* можно смотрѣть, какъ на легко набросанную программу для замѣчательнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ изъ учительныхъ раскольническихъ сочиненій, — для «*Поморскихъ Отвѣтовъ*» (1).

Кстати о *Поморскихъ Отвѣтахъ*. Г-нъ Б. надѣется говорить объ нихъ (2), вѣроятно, въ слѣдующихъ выпускахъ своего «*Описанія*», и уже заранѣе сообщаетъ читателямъ свой взглядъ на это сочиненіе, называя его «*замѣчательнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ учительныхъ раскольническихъ сочиненій.*» Что хотѣлъ сказать этими словами г-нъ Б. о «*Поморскихъ Отвѣтахъ*»? Не выражается ли ими тотъ взглядъ, а *Поморскіе Отвѣты*, по которому въ этомъ сочиненіи *нѣкоторые* думаютъ видѣть *себѣ все* старооб-

(1) Ч. II, стр. 161.

(2) Тамъ же стр. 304.

рядческаго ученія, символическую книгу раскола, и *по-тому считаютъ* Поморскіе Отвѣты однимъ изъ лучшихъ пособій къ изученію догматической стороны раскола? Если такъ, то мы позволяемъ себѣ высказать и на этотъ счетъ нѣсколько замѣчаній, которыя, быть можетъ, окажутся несовсѣмъ бесполезными для будущаго описателя Поморскихъ Отвѣтовъ. Намъ кажется, что указанный выше взглядъ на Поморскіе Отвѣты не вполне справедливъ, чтобы не сказать больше. И вотъ основанія, почему мы думаемъ такъ.

Поморцы, которымъ Неофитъ предлагалъ вопросы, принадлежали, какъ и нынѣ принадлежатъ, къ такъ называемой сектѣ безпоповщинской; естественно послѣ этого, что и вопросы свои Неофитъ направлялъ *преимущественно* противъ тѣхъ заблужденій, которыхъ держатся безпоповцы, а слѣдовательно и въ отвѣтахъ поморцевъ можно и должно ожидать раскрытія и доказательствъ главнымъ образомъ ученія *безпоповщинскаго*. Объ ученія, которое составляетъ отличіе поповщины, въ Поморскихъ Отвѣтахъ почти нѣтъ ни слова (есть нѣсколько словъ о священникахъ, безъ причины оставляющихъ своего епископа, см. нач. отв. 102; но и это касается не столько поповцевъ, сколько всѣхъ вообще раскольниковъ, преимущественно же первоначальныхъ проповѣдниковъ раскола). Съ другой стороны, такъ какъ поморцы, пиша свои Отвѣты, должны были сообразоваться въ нихъ съ тѣми вопросами, какіе имъ были предложены Неофитомъ; то само собою понятно, что и о своемъ безпоповщинскомъ ученія они могли и должны были говорить столько и о томъ именно, сколько и чего касались самые вопросы; отъ того о многихъ и изъ безпоповщинскихъ заблужденій въ Поморскихъ Отвѣтахъ также почти нѣтъ ни слова, напр.

объ антихристѣ, его царствованіи въ русской церкви, истребленіи имъ священства и таинства и пр. Наконецъ велику вопросы были предложены поморцамъ лицомъ, уполномоченнымъ не только отъ власти церковной, но и гражданской, и отвѣты на нихъ поморцевъ могли и должны были сдѣлаться извѣстными той и другой власти; то слѣдствіемъ этого было то, что даже и ца прямые вопросы Неофита, касавшіеся того или другаго заблужденія безпоповцевъ, поморцы давали отвѣты не прямые, уклончивые, косвенные, а не рѣдко даже совершенно ложные. Опасеніе оскорбить власть церковную или гражданскую было причиной того, что поморцы лицемѣрили на каждомъ шагу, объ одномъ умалчивали, о другомъ говорили ложь,—вообще, по выраженію одного поповца, «сущее свое мудрованіе не явили, и написали во отвѣтахъ другое» (1). Такъ напр. на вопросъ Неофита, какъ считаютъ поморцы церковь великороссійскую,—православною или неправославною, поморцы уклоняются отъ прямого отвѣта и говорятъ, что они сомнѣваются только въ истинности тѣхъ мнимыхъ нововведеній, которыя допущены будто бы нашею церковію «несогласно древнему благочестію; суда же какова на ню, или периданія собою наносити опасаемся» (2), а между тѣмъ извѣстно, что поморцы, какъ и всѣ вообще безпоповцы, считаютъ Церковь православную не только церковію еретическою, но даже царствомъ антихриста. Равнымъ образомъ, отвѣчая на вопросъ Неофита, православенъ ли, по мнѣнію сарообрядцевъ, благочестивый императоръ Петръ Великій и Святѣйшій Правительствующій Синодъ,

(1) Отв. 35 Пешехонова. Послѣ этого замѣтку «Странишка» (Май, стр. 92), мы считаемъ несправедливою.

(2) Вопр. и отв. 48.

поморцы не только не высказываютъ объ этомъ своего настоящаго мнѣнія, но прямо начинаютъ говорить ложь, утверждая, будто бы они, послѣдуя ученію Христа: воздавать Божія Богови, а Кесарева Кесарю—и наставленію ап. Петра—боятся Бога и чтить царя, «всепресвѣтѣйшаго императора Петра Великаго, отца отечества, богохранимаго самодержца... всеговѣнно почитаютъ, всеусердно прославляютъ, всежеланно благодарствуютъ и благодарствовать и почитати никогда не престанутъ»,—что они «его государскаго благочестія не истязуютъ, но Господа Бога за его милосердное величество молятъ, по реченному псалмопѣвца: Господи, спаси царя и услыши ны, въ оныя же аще день призовемъ тя»,—что наконецъ они не только никогда не называли и не называютъ его еретикомъ, но подобнаго или «инаго нечестнословія не точію глаголати, но и слышати не хогятъ и даже ужасаются произносить такія слова» (1). А между тѣмъ не болѣе, какъ чрезъ 16 лѣтъ послѣ написанія Поморскихъ Отвѣтовъ, одинъ изъ жителей выгорѣцкаго монастыря (Иванъ Круглый) доносилъ св. Синоду, что поморцы не молятся за царскій домъ, и уже послѣ такого доноса поморцы на своемъ совѣтѣ положили, чтобы «не навести на себя и другихъ напраснаго гнѣва: въ тропаряхъ и кондакахъ и стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ... Императорское Величество поминать вездѣ по вышнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцевъ сіе просто было и не было нужды *до сего времени*» (2). Точно также на вопросы Неофита, на какомъ основаніи поморцы «отъ церкви Божіихъ народъ отлучаютъ и возмущаютъ, гла-

(1) Отв. 52.

(2) Док. св. св. арх. стр. 24 77.

голюще, что нынѣ нѣсть въ церкви спасенія», и «за каковыя именно вины нынѣ въ церкви люди не спасаются, но погибають», писатели Поморскихъ Отвѣтовъ отвѣчали, что они «возмущенія какова народомъ не творять»,—что тѣ, «кои древлецерковное благочестіе намятуютъ и содержатъ», содержать его «кромѣ ихъ», а тѣ, кои «въ новопреданныхъ уставахъ пребывати изволиша... въ томъ никогда же отъ нихъ запинаеми бывають», что наконецъ спасаются ли, или не спасаются сыны нынѣшней русской церкви, объ этомъ поморцы судить не дерзавтъ (1). А между тѣмъ извѣстный дячекъ шумскаго погоста Халтуриновъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Неофитова изъ поморья, доносилъ св. Синоду, что настоятели выгорѣцкаго монастыря: Данилъ, Симеонъ и др. «по градомъ и по селамъ ѣздятъ, и людей прельщаютъ ученіемъ своимъ, и дѣйство священническое дѣйствуютъ, крестать и исповѣдываютъ, и свадьбы вѣнчаютъ и людей причащаютъ и подговариваютъ, и со градовъ увозятъ дѣвокъ» (2), а о томъ, допускають ли поморцы возможность спасенія въ нынѣшней русской церкви, извѣстно всякому; царство антихриста, чѣмъ считаютъ поморцы нынѣшнюю русскую церковь, не спасаетъ своихъ членовъ, но погубляетъ. Въ отвѣтъ 99 поморцы говорятъ, что они вѣруютъ «св. ап. Павлу и святымъ учителямъ церковнымъ, возвѣщающимъ жертвѣ тайной приноситься въ воспоминаніе Господне даже до скончанія вѣка», а на самомъ дѣлѣ учатъ, что въ царство антихриста таинство Евхаристіи будетъ истреблено и что нынѣ, такъ какъ человекъ беззаконія царствуетъ уже, нѣтъ нигдѣ

(1) Вопр. и отв. 77 и 78.

(2) Ист. выг. пуст. гл. 26

жертвы тѣла и крови Господней. Не упоминаемъ о многомъ другомъ, что изложено поморцами въ отвѣтахъ ихъ Пророку совершенно иначе, чѣмъ какъ бываетъ у нихъ на самомъ дѣлѣ (напр. имя Иисусъ, троеперстіе, четвероконечный крестъ въ Поморскихъ Отвѣтахъ трактуются только какъ нововведенія, на самомъ же дѣлѣ имя—Иисусъ — поморцы, какъ и другіе безпоповцы, считаютъ именемъ антихриста, троеперстіе и четвероконечный крестъ — печатью антихриста); и указанныхъ нами примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что на основаніи Поморскихъ Отвѣтовъ нельзя узнать даже ученія поморцевъ-безпоповцевъ въ его настоящемъ видѣ, не только ученія поповцевъ, а тѣмъ болѣе-всѣхъ вообще раскольниковъ. Не смотря впрочемъ на это, поморскіе отвѣты мѣгутъ и должны служить весьма важнымъ пособіемъ къ изученію раскола въ догматическомъ отношеніи—къ изученію тѣхъ особенно пунктовъ старообрядческаго ученія, которые извѣстны подъ именемъ *зablужденійъ общицъъ вслѣдъ раскольниковамъ* и которые изложены преимущественно въ 50 отвѣтѣ, гдѣ поморцы рѣшаютъ вопросъ: какія именно отступленія допустила у себя нынѣшняя православная церковь, изъ за которыхъ собственно и отдѣляются отъ ней старообрядцы? Вопросъ обширный, но и рѣшеніе его не менѣе пространно. Все, что можно было сказать, сказано здѣсь, такъ что старообрядцы болѣе уже и не касаются этого вопроса, но при всякомъ случаѣ, когда нужно бываетъ отвѣчать, православна ли нынѣшняя церковь, или и она «преложила въ различныя ереси», говорятъ только: «различить сего иначе не можно, какъ съ довольномъ размысленіемъ и прилежнымъ вниманіемъ чытать должно поморскія къ Синоду отвѣты» (1). Кромѣ того,

(1) Книг. о скрыт. свѣщ. лицъ, рукоп. нашей акад. библиот.

лиѣа подѣ руками многіа очень рѣдкіа и очень древніа книги, составители Поморскихъ Отвѣтовъ перѣдѣо въ подтвержденіе своихъ заблужденій ссылаются на такіа свидѣтельства, которыхъ нельзя встрѣтити въ другихъ старообрядческихъ сочиненіяхъ; владѣа не малыми дарованіями, они въ защиту своихъ мнѣній иногда приводятъ такіа доказательства изъ умственныхъ соображеній, къ какимъ способенъ не всякій раскольникъ, хотя бы то и пинущій. Что касается до уваженія, какое питаютъ къ Поморскимъ Отвѣтамъ старообрядцы, особенно безноповцы, то оно, можно сказать, безпредѣльно. Въ этомъ, можетъ быть, и заключается особенное значеніе Поморскихъ Отвѣтовъ, по этому-то и необходимо обращаться къ нимъ при изученіи раскола, какъ къ книгѣ, каждое слово которой раскольники считаютъ драгоценнымъ басеромъ... Объяснить это глубокое уваженіе раскольниковъ къ поморскимъ отвѣтамъ не трудно. Многіа изъ лицъ, писавшихъ эти отвѣты, были люди замѣчательныхъ дарованій (напр. братья Денисовы) и какъ при жизни пользовались, такъ и по смерти пользуются самымъ глубокимъ уваженіемъ отъ своихъ собратій; Поморскіе Отвѣты составлены, между прочимъ, на основаніи всѣхъ прежнихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, раскольниковскихъ сочиненій и так. обр. представляютъ собою книгу, въ которой слышенъ голосъ не только «великаго сказателя словесъ Божіихъ, подобнаго Іоанну Златоусту — Андрея Денисова (1),» — «сладковѣщательной ластовицы — Семена Денисова (2),» «благоревностныхъ мужей: Трифона Петрова, Ивана Филипова и др.», но и великихъ, по ихъ

(1) Ист. Выг. пуст. гл. 23.

(2) Тамъ же гл. 1.

понятію, страдающемъ за вѣру: Лазаря, Никиты (пусто-
 святя), отцевъ соловецкихъ...какая умкительная для рас-
 кольника коллекція! Наконецъ, Поморскіе Отвѣты не мо-
 гутъ не обращать на себя вниманія старообрядцевъ и
 по тѣмъ слѣдствіямъ, какія они имѣли для раскола. Какъ
 скоро Отвѣты были поданы Неофиту, онъ не только пе-
 ресталъ требовать поморцевъ для устнаго съ собою со-
 бесѣдованія—съ прежнею настойчивостью, напротивъ ви-
 димо сталъ уклоняться отъ разглагольствія съ ними и
 никакъ не хотѣлъ дозволить чтенія Отвѣтовъ. Хотя это
 зависѣло отъ того, что, получивъ книгу Отвѣтовъ, Нео-
 фитъ увидѣлъ, что теперь однихъ устныхъ собесѣдованій
 было бы недостаточно для вразумленія заблуждающихся,
 и равно и чтенія Отвѣтовъ нельзя допустить безъ опро-
 верженія изложеннаго въ нихъ ученія, а для этого нуж-
 но было бы написать такую же книгу, требовалось и
 много средствъ и не мало времени; однако раскольники
 могли понять и дѣйствительно поняли уклончивость Нео-
 фита по своему: они заключили изъ ней, что Отвѣты,
 написанные ими, Неофитъ «чести отрицаше, аки зѣло
 правдиво писанныя и обличити я чимъ невозможныя», и
 такимъ обр. признали ихъ такою книгою, противъ кото-
 рой нечего было сказать и самому представителю Св.
 Синода. И хотя немедленно, по порученію же Св. Сино-
 да, на Поморскіе Отвѣты написано было преосвящ. Тео-
 филактомъ «Обличеніе», въ которомъ «неправда расколь-
 ническая» была доказана ясно; но такъ какъ это сочи-
 неніе долго (до 1745 года) оставалось въ рукописи, то
 ложное мнѣніе о правотѣ и достоинствѣ Поморскихъ От-
 вѣтовъ осталось между раскольниками и послѣ 1723 го-
 да, когда написано Обличеніе, остается между нѣкоторы-
 ми изъ нихъ и доселѣ.

Еще одно слово касательно «Діаконовыхъ и Софонтіевскихъ Отвѣтовъ». Отъ недосмотра ли издателя, или отъ чего либо другаго, только въ размѣщеніи библиографическихъ замѣтокъ объ этихъ сочиненіяхъ допущена въ книгѣ путаница. Авторъ хотѣлъ, кажется ⁽¹⁾, какъ и слѣдовало, сперва говорить о «Діаконовыхъ Отвѣтахъ», потомъ о «Софонтіевскихъ», а въ книгѣ вышло на оборотъ. Вѣроятно, отъ этого произошло и то, что замѣтки о «Діаконовыхъ Отвѣтахъ» начинаются въ «Описаніи», что называется, ex abrupto... (ч. II. стр. 195.)

Слѣдующихъ въ «Описаніи» за «Діаконовыми Отвѣтами» раскольническихъ сочиненій мы не имѣли подъ руками. Тѣмъ не менѣе можемъ сказать кое-что и объ нихъ, по поводу разсматриваемой нами книги. Прежде всего—нѣсколько словъ о писателѣ «Брачнаго Врачевства», которому г. Б. приписываетъ и нѣкоторыя другія сочиненія, именно: 1) «Брачное Исповѣданіе», 2) «Священный Театръ, или Обличеніе сборишей балчужнаго и филипова толка суевѣра», 3) «Изобличенный Кривовѣръ», 4) «Благословенно-нерукоположенный креститель» и 5) «Существенное Образованіе законнаго брака» (разбора послѣднихъ пяти сочиненій въ книгѣ нѣтъ). Дѣйствительно, всѣ указанныя сочиненія написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ и именно Павломъ Онуферіевымъ Любопытнымъ, на что, между прочимъ, указываютъ двѣ буквы, находящіяся въ заглавіи «Брачнаго Врачевства»,—П. Л. Авторъ «Описанія» объ этомъ писателѣ раскольническомъ сообщаетъ самыя краткія и неопредѣленныя свѣдѣнія, показываю-

(1) На стр. 304, —въ послѣднихъ замѣткахъ о «Діаконовыхъ отвѣтахъ», г. Б. говоритъ: «замѣтить что только нижеслѣдующіе Софонтіевскіе отвѣты... а между тѣмъ рѣчь о Софонтіевскихъ отвѣтахъ идетъ въ книгѣ прежде.

щія только, что это был раскольникъ, кажется, безповецъ, не филиповскаго толка, и не еесодосимскаго, но согласія новожаеновъ (¹). Мы имѣемъ возможность дополнить эти скудныя свѣдѣнія о Павлѣ Любопытномъ. «Павелъ Анофріевъ, господинъ Любопытный, говорится въ «Каталогъ Писателей старообръческой церкви», имъ самимъ составленномъ, поморской церкви знатный членъ, обѣихъ столицъ Петрополя и Москвы, примѣрный защитникъ Христовой церкви и писатель въ пользу и славу оной.» Родился онъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія (первое сочиненіе Павла Любопытнаго написано въ 1793 г.). Оставшись въ раннихъ годахъ сиротою, онъ прожилъ сперва въ Москвѣ у одного раскольника, по имени Мещима Терентьева, пивовара, близъ ямецкаго рынка. Этотъ-то Максимъ Терентьевъ и научилъ Павла Любопытнаго грамотѣ и «учености» по старымъ книгамъ. Какъ показываютъ сочиненія Любопытнаго, онъ съ усердіемъ слушалъ уроки своего наставника и съ умѣньемъ воспользовался пріобрѣтенными свѣдѣніями. Переселившись въ Петербургъ, онъ своими познаніями скоро обратилъ на себя вниманіе здѣшнихъ самыхъ сильныхъ по связямъ и богатыхъ раскольниковъ. Мы не можемъ сказать опредѣленно, какую собственно роль игралъ Павелъ Любопытный между петербургскими раскольниками; но, какъ показываютъ сочиненія его, роль эта была не маловажная. Онъ писалъ напр. «Воззванія ко всей въ Петрополѣ поморской церкви» о лучшемъ устройствѣ малоохтенской расколической часовни, о выборѣ для нея попечителей, о заведеніи при ней больницы, — составлялъ «планъ» о изобрѣтеніи обильныхъ источниковъ на содержаніе какъ

(¹) Ч. II, стр. 305—306.

Т. I, Отд. III.

часовни, такъ и большицы, — сочинялъ «уставы» о благочиніи «малой Охты поморской церкви» — внѣшнемъ и внутреннемъ, говорилъ «слова» на обновленіе часовни, при выборахъ попечителей (напр. Артемія Петрова) и «поздравительныя рѣчи» отъ лица малой Охты — людямъ съ значеніемъ въ расколѣ, пріѣзжавшимъ изъ Москвы въ Петербургъ (напр. Варварѣ Грачевой), за что получалъ иногда по 200 р., — составлялъ «формы» клятвы «приходящимъ въ православную вѣру отъ внѣшнихъ», — счинялъ обрученія, вѣнчанія, благословенія свѣдей въ день Пасхи, — принятія «Христовою церковію обращающихся паки къ оной», — дѣлалъ наставленія малоохтенскимъ старостамъ (напр. Григорію Грачеву) о надлежащемъ исполненіи ими обязанностей ихъ, — писалъ наставленія самямъ «попечителямъ поморской церкви о благоустройствѣ и благочиніи малой Охты часовни», — составлялъ «отвѣты вышнему начальству отъ лица поморской церкви», — наконецъ писалъ «созванія» даже «ко всѣмъ старовѣрческимъ церквямъ и ихъ пастырямъ (?) о нерадѣніи ихъ въ просвѣщеніи и призрѣніи единовѣрцевъ своихъ, страждущихъ отъ міра въ разныхъ мѣстахъ за благочестіе». Все это показываетъ, что Павелъ Любопытный имѣлъ большое значеніе между раскольниками не только петербургскими, но и другихъ мѣстъ ⁽¹⁾. Это былъ, по своему влиянію на

(1) Въ доказательство этой послѣдней мысли достаточно указать на то, что когда напр. московскіе раскольники захотѣли пригласить (въ 1824 г.) въ Москву «къ совершенію обряда брачнаго таинства» (какого — не знаемъ) другихъ — иногородныхъ раскольниковъ, — «воззваніе» объ этомъ «ко всему христіанству» поручено было написать Павлу Любопытному; не можемъ при этомъ не упомянуть и о томъ обстоятельстве, что Любопытный написалъ до 30 «строгательныхъ и убѣжденій исполненныхъ посланій о созиданіи и благолѣпіи церковномъ, въ разныхъ мѣстахъ, къ пастырямъ церкви (?) ученыхъ и благочестивыхъ мужамъ». Вліяніе же Любопытнаго на петербургскихъ раскольниковъ не

расколъ, что-то въ родѣ Денисовыхъ или Ильи Алексѣича Ковылина, хотя, можетъ быть, и не занималъ тако-го виднаго поста, какъ гѣ. Съ другой стороны, уже по указаннымъ нами трудамъ Любопытнаго можно судить, что это былъ человѣкъ замѣчательнѣйшихъ дарованій и неутомимый въ дѣятельности; а если прибавимъ, что кромѣ указанныхъ сочиненій, онъ написалъ еще болѣе 50 сочиненій какъ историческихъ, такъ и учительныхъ или обличительныхъ, то въ опроверженіе ученія другихъ толковъ и согласій, равно ученія православнаго, то въ защиту своей секты; тогда еще болѣе подивимся способностямъ, начитанности и трудолюбію этого человѣка (1). Любя самъ «грамоту», какъ средство «истинно вѣр-овать», Павелъ Любопытный заботился, чтобы и другіе его единовѣрцы, по крайней мѣрѣ, молодое поколѣніе так-же было грамотно. Съ этою цѣлію онъ написалъ (въ 1807 г.) «Убѣдительное и трогательное воззваніе къ пе-тербургскому пастырю (?) Феодору Петровичу Бабушки-

ограничивалось одними малоохтенскими прихожанами, хотя они состав-ляли большинство петербургскаго раскольниковскаго населенія, но про-стиралось на прихожанъ и другихъ часовенъ, напр. находившейся въ Моховой. Любопытный оставилъ даже «Описаніе всѣхъ священныхъ вещей этой часовни».

(1) Всѣхъ сочиненій написалъ Павелъ Любопытный, какъ значится въ его «каталогѣ», 97. Здѣсь же замѣчено имъ: «естъ ли благоугодно будетъ Творцу небесъ, ежели позволять обстоятельства и силы при-роды; то Павелъ Любопытный за непремѣнный долгъ поставляетъ и предположилъ къ исчисленнымъ его твореніямъ еще вновь сочинить пятьдесятъ разныхъ предметовъ, которые могутъ служить для обра-зованія всѣхъ старовѣрческихъ церквей, частью ради огражденія пра-вославной вѣры и ея послушниковъ, частью для обличенія враговъ благочестія и наставленія въ нравственности,—частью во всей полнотѣ церковной исторіи и критики въ прозѣ и стихахъ: Сихъ предопредѣ-ленныхъ книгъ нѣтъ въ подробный каталогъ». Удалось ли Павлу Лю-бопытному исполнить свое желаніе, не знаемъ; по всѣмъ соображеніямъ, нѣтъ.

пу о возстановленіи въ Петрополѣ дѣтскаго (раскольниковскаго) училища.» Во все время своего пребыванія въ Петербургѣ, Павелъ Любопытный жилъ у одного мѣщанина, Карпа Иванова Новосадова, бывшаго уставщикомъ въ моленной на Охтѣ, что въ домѣ купца Долгова, который завѣдывалъ существовавшимъ еще въ то время Даниловымъ Выговскимъ монастыремъ. Съ образованіемъ Павелъ Любопытный соединялъ въ себѣ еще знаніе искусства. Онъ былъ довольно порядочный живописецъ, но это искусство и было причиною его смерти. Въ числѣ многихъ картинъ и портретовъ, Любопытный еще въ 1798 году написалъ одну картину особеннаго рода, представлявшую *храмъ славы*, въ которомъ Павелъ изобразилъ себя сѣдящимъ на престолѣ. Однажды ⁽¹⁾, во время отсутствія Любопытнаго изъ квартиры, эта картина, а равно и другія его произведенія, были взяты полиціей. Возвратясь домой и вида сундуки свои открытыми и всѣ вещи разобранными, Павелъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Опасаясь, чтобы и самому не попасть въ руки полиціи, онъ немедленно бѣжалъ изъ Петербурга въ Ярославскую губернію, гдѣ и скрылся у одного огородинка. Но вскорѣ онъ впалъ въ болѣзнь, которая иногда происходитъ отъ страха, и умеръ ⁽²⁾.

(1) Не раньше впрочемъ 1829 года; надпись на «каталогѣ старовѣрческихъ писателей» гласитъ, что онъ «собралъ тщаніемъ Павла Любопытнаго, въ Санктпетербургѣ, 1829 года»,—а въ «историческомъ словарѣ» это сочиненіе помѣщено предпоследнимъ; на этомъ основаніи можно думать, что несчастіе, о которомъ будетъ рѣчь ниже, случилось съ Павломъ если не въ 1829 году, то вскорѣ послѣ этого.

(2) Всѣ эти свѣдѣнія составлены нами на основаніи двухъ, имѣющихся у насъ подъ руками, его сочиненій: «каталога старовѣрческихъ писателей» и «историческаго словаря», въ которыхъ находится перечень всѣхъ сочиненій Любопытнаго, съ означеніемъ даже, когда какое изъ нихъ писано. Кромѣ того, пособіемъ служила намъ записка неиз-

Въ числѣ многихъ сочиненій, Павелъ Любопытный написалъ и указанныя нами выше: «Брачное Врачевство» и др. Это мы говоримъ не на основаніи только находящихся въ концѣ надписи «Брачнаго Врачевства» двухъ буквъ: П. Л., по потому, что какъ въ «Каталогѣ», такъ и въ «Словарѣ» всѣ перечисленныя выше сочиненія указаны, какъ произведенія пера Павла Любопытнаго. Только здѣсь они имѣютъ нѣсколько другія заглавія, болѣе подробныя (1).

Выше мы уже замѣчали, что Павелъ Любопытный зналъ и читалъ многое, много и писалъ. Къ этому теперь прибавимъ еще, что писалъ Любопытный такъ ловко, живо и мѣтко, какъ могутъ писать не многіе раскольники. Достаточно прочитать въ «Описаніи» выдержки изъ его «Брачнаго Врачевства», чтобы убѣдиться въ справедливости высказанныхъ нами положеній. И мы не можемъ объяснить себѣ, почему г. Б. такъ поверхностно отозвался объ этомъ сочиненіи, замѣчая, что «свое предложеніе (т. е. что сущность брака состоитъ будто бы не въ вѣнчаніи, а во взаимномъ согласіи жениха и невѣсты) сочинитель вообще доказываетъ слабо, неискусно и неосмотрительно», что если это сочиненіе нѣкоторыми частями своими и заслуживаетъ серьезнаго вниманія и опроверженія, то «не по развитію доказательствъ, но по мысли своей и намекамъ на доказательства» (2). Намъ думается на оборотъ, что въ «Брачномъ Врачевствѣ» показано Любопытнымъ столько доказательствъ очень мѣт-

вѣстнаго лица, находящаяся въ концѣ «каталога», по рукописи Императорской публичной бібліотеки № 131.

(1) Напр. «брачное врачество бракоборцамъ съ картиною и стихами»; или: «изоблаченный кривоверъ, въ названіи еретиковъ благочестивыми, съ картиною и стихами» и под.

(2) Ч. II, стр. 317—318.

кихъ и соображеній очень умныхъ, что первое впечатлѣніе отъ прочтенія этой книги, особенно въ человѣкѣ не коротко знакомомъ съ практикою древней церкви, можетъ быть самое невыгодное для православнаго ученія о бракѣ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы *основная* мысль Любопытнаго была *вполнѣ* вѣрна; но все же и сама она (согласіе жениха и невѣсты—*необходимое* условіе для брака, хотя и не одно оно) и многія изъ приведенныхъ Павломъ доказательствъ не лишены справедливости, силы и убѣдительности, меньшей, разумеется, сравнительно съ убѣдительностію ученія православнаго ⁽¹⁾, но гораздо большей сравнительно съ убѣдительностію мыслей, высказанныхъ напр. въ «Увѣщаніи ко всѣмъ христіанамъ.» А между тѣмъ это послѣднее сочиненіе г. Б. называетъ «однимъ изъ разумнѣйшихъ старообрядческихъ сочиненій» ⁽²⁾.

Касательно «Посланія раскольниковъ сибирскихъ къ московскимъ» мы считаемъ нужнымъ замѣтить только то, почему это сочиненіе помѣщено въ «Описаніи» въ числѣ сочиненій *учительныхъ*, тогда какъ по содержанію своему оно чисто *историческое*? Не понимаемъ также, почему г. Б. помѣстилъ указанное сочиненіе прежде «Увѣщанія ко всѣмъ христіанамъ», написаннаго не позже 1823 года ⁽³⁾, тогда какъ «Посланіе» написано въ 1833 году ⁽⁴⁾. Это не значитъ — разсматривать сочиненія въ *хронологическомъ* порядкѣ, которому еще менѣ слѣдоваль

(1) Рекомендуемъ желающимъ прочесть въ Тв. Св. Отц. за 1888 г. кн. 2, статью: «о церковномъ благословеніи и вѣчаніи брака», гдѣ многія изъ мыслей Любопытнаго разобраны и опровергнуты, а видѣтъ изложено православное ученіе.

(2) «Опис.» ч. II, стр. 328.

(3) «Опис.» ч. II, стр. 322.

(4) Тамъ же стр. 318.

авторъ «Описанія», когда въ слѣдъ за «Увѣщаніемъ» помѣстилъ разборъ «Слова о Мученикахъ и о новыхъ страдальцахъ за Церковь Божию и за древле-православную вѣру христіанскую и за вся старыя вѣры», сочиненія, по мнѣнію г. Б., одного изъ *старѣйшихъ* старообрядческихъ сочиненій ⁽¹⁾, или по крайней мѣрѣ написаннаго не позже 1811 года ⁽²⁾, все же *прежде* и «Посланія» и «Увѣщанія», а равно и другое сочиненіе: «Догматъ Христовой церкви о ключахъ», написанное не позже 1822 года, значить, *прежде* «Посланія.» Мы далеки отъ мысли считать эти промахи дѣломъ важнымъ, но указываемъ ихъ потому, что допустить подобныя промахи можно, по нашему мнѣнію, только при большомъ невниманіи къ дѣлу, или—крайней поспѣшности, также мало извинительной. Касательно послѣдняго изъ указанныхъ сочиненій считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ. Полное заглавіе этого сочиненія такое: «Догматъ Христовой церкви о ключахъ, сочиненный въ Санктпетербургѣ, 1822, VII, 13, П. Л.» На основаніи буквъ—П. Л. «можно было бы полагать, говоритъ авторъ «Описанія», что лице, писавшее это сочиненіе, тождественно съ П. Л., написавшимъ «Брачное Врачевство». Но достовѣрность такого предположенія ослабляется тѣмъ, что 1) въ перечнѣ сочиненій, приложенномъ къ «Брачному Врачевству», въ рукописи, которую мы имѣли надъ рунами,—принадлежащихъ этому П. Л., сочиненіе «Догматъ о ключахъ» не числится; къ тому же въ этомъ сочиненіи въ первомъ примѣчаніи къ предисловію, сочинитель пишетъ: «Зри въ моей *аполоніи*», сочиненіе, которое опять въ упомянутомъ перечнѣ не числится; тѣмъ, что 2) складъ

(1) Тамъ же, стр. 329.

(2) Тамъ же.

рѣчи, до нелѣпности высокопарный въ «Догматѣ о ключахъ», много разнится съ простымъ естественнымъ складомъ рѣчи въ «Брачномъ Врачевствѣ» (*). Напрасно г. Б. не вѣрить въ справедливость своего предположенія. «Догматъ о ключахъ» дѣйствительно написанъ тѣмъ же самымъ П. Л., — Павломъ Любопытнымъ, рукою котораго составлено и «Брачное Врачевство» и который оставилъ послѣ себя не одну, а нѣсколько *аполомѣй*. Обо всемъ этомъ свидѣлствуютъ и «Каталогъ» и «Словарь» его. Здѣсь кстати замѣтимъ, что выводы изъ филологическихъ соображеній должны дѣлаться съ крайнею осторожностію, и что какъ сходство въ языкѣ разныхъ сочиненій, на чемъ, между прочимъ, г. Б. основалъ свое предположеніе объ Андрѣѣ Денисовѣ, какъ писателѣ «Діаконовыхъ Вопросовъ» (**), не можетъ быть доказательствомъ того, что они писаны одною рукою, такъ и разность «въ складѣ рѣчи» — еще не достаточная причина, по которой сочиненій съ такою разностію нельзя было бы приписать одному и тому же лицу. Мы отказываемся объяснить, почему Павелъ Любопытный, такъ мастерски составившій «Брачное Врачевство», — «складомъ рѣчи простымъ и естественнымъ, языкомъ довольно правильнымъ» (**), допустилъ въ «Догматѣ о ключахъ» складъ рѣчи, дѣйствительно, высокопарный до нелѣпности, до бессмыслицы (*). Но не отказываемся, на основаніи одного этого различія, считать оба эти сочиненія произведеніемъ одного и того же лица, по причинамъ вышеуказаннымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, въ «Описаніи» есть

(*) «Опис.» ч. II, стр. 332.

(**) Тамъ же стр. 301.

(*) Тамъ же стр. 317.

(*) Можетъ быть одно предположеніе: крайняя нерза, и, можетъ быть, даже нередѣлка рукописи отъ переписчика.

еще небольшой перечень книг «еодосіанскаго толка» (*), безъ разбора ихъ (къ чему это?), и помѣщены въ видѣ послѣсловія двѣ «выписки» (**), въ высшей степени интересныя. Первая трактуеть объ участи ляцъ, «піющихъ табакъ, чай и кофію» (всѣмъ изрекается проклятіе),—во второй рѣшается вопросъ, «отъ чего уставился сіе горѣ-линое вино душепагубное челоуѣкомъ». Читая эти выписки, дивишься и спрашиваешь себя, ужели, въ самомъ дѣлѣ, въ XIX столѣтіи могутъ быть люди съ такимъ міровоззрѣніемъ? Къ сожалѣнію, не только *могутъ* быть, но *есть* цѣлыя тысячи такихъ странныхъ головъ на Руси...

Мы указали, по возможности, недостатки, замѣченные нами въ «Описаніи», имѣя въ виду одно: исправить допущенныя въ немъ неточности и пополнить недосказанное не въ ущербъ достоинствамъ труда г-на Б., а единственно для пользы науки. А достоинства въ «Описаніи» есть, и мы не можемъ не указать ихъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *трудолюбіе* автора «Описанія». Перечитать—не бѣгло, а со вниманіемъ и, можетъ быть, не одинъ разъ,—столько рукописей, писанныхъ нерѣдко небрежно и всегда съ грамматическими неправильностями, такъ непріятно дѣйствующими на глазъ образованнаго челоуѣка, — рукописей часто безъинтересныхъ по содержанию и иногда нечуждыхъ безсмыслицы въ изложеніи, — это—такой трудъ, для этого нужно столько терпѣнія, требуется такая усидчивость, что странно было бы не оцѣнить всего этого, если бы даже и вздумалось кому либо смотрѣть на подобный трудъ, какъ на одну *механическую работу*. Далѣе: собственныя соображенія г-на Б.,

(*) «Опис.» ч. II, стр. 328.

(**) Ч. II, стр. 338—340.

хотя ихъ въ книгѣ очень не много, нерѣдко отличаются мѣткостью, простотою и естественностію. Наконецъ изложеніе, гдѣ авторъ начинаетъ говорить отъ себя, хотя это случается съ нимъ довольно рѣдко (онъ, какъ мы замѣчали, любитъ излагать свѣдѣнія языкомъ самыхъ рукописей),—живое, рѣчь бойкая, языкъ правильный и часто сжатый. Что же касается *всего содержанія* книги, то для людей, занимающихся изученіемъ раскола, въ немъ есть свѣдѣнія *дрогоцѣнные* какъ историческія, такъ особенно догматическія. Даже вообще изучающій русскую исторію, какъ гражданскую, такъ особенно церковную, можетъ приобрѣсть для себя «Описаніе», какъ книгу, которая можетъ быть полезна ему во многихъ случаяхъ. Дай Богъ, чтобы обнародываніе подобныхъ документовъ не остановилось на этомъ первомъ опытѣ. Тогда изученіе жизни, нравовъ, религіозныхъ стремленій и вѣрованій значительной части нашего народа пошло бы успѣшнѣе. А вѣдь не знать всего этого не только стыдно, но, можетъ быть, и не безвредно.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданіи книги. Д. Е. Кожанчиковъ, не мало издавшій въ послѣднюю пору разнаго рода сочиненій, этимъ послѣднимъ изданіемъ хотѣлъ, кажется, показать, что съ каждымъ новымъ разомъ онъ намѣренъ дѣлать свои изданія все лучше и лучше. Бумага великолѣпная, шрифтъ весьма красивый, —изданіе чисто европейское. Даже опечатокъ, которыхъ можно было опасаться въ книгѣ, гдѣ иногда приходилось печатать безсмыслицу, очень не много. Не много только цѣна книги не-европейская.

И. Нилскій.